

Антонина Циль
Анна Вронацкая

**ВСТРЕЧНАЯ-
ПОПЕРЕЧНАЯ**

Антонина Циль

Встречная-поперечная

«Автор»

2023

Циль А.

Встречная-поперечная / А. Циль — «Автор», 2023

Народная смута так и не разгорелась – угасла стараниями великих магических родов Российской Империи. Но мир остался прежним. Как раньше, имеется в нем святое Вдолье и темное, мистическое Поперечье. Маша плохо помнила покойного отца. Знала лишь, что был он вдольского роду, женился против воли отца и семья от него отказалась. Хорошо, что теперь у Марии имелась профессия. Жила она в шумном красивом городе, далеко не впроголодь, но скромно. Поэтому свалившееся на нее наследство – старую усадьбу в заповедных лесах Приречья – оценила... неоднозначно. Однако и в усадьбах люди живут: у соседей обедают, гуляют, тайны разгадывают... влюбляются иногда. И дом вполне может стать ее собственностью, вместе с землей и яблоневым садом, только нужно выполнить одно условие...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	32
Глава 7	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Антонина Циль, Анна Вронацкая

Встречная-поперечная

Народная смута так и не разгорелась – угасла стараниями великих магических родов Российской Империи. Но мир остался прежним. Как раньше, имеется в нем святое Вдолье и темное, мистическое Поперечье. Вдольские князья, как и прежде, следили за Равновесием, а поперечная нечисть шалила в лесах и глядит человеку прямо в душу.

Маша плохо помнила покойного отца. Знала лишь, что был он вдольского роду, женился против воли отца, по любви, и семья от него отказалась.

Жила Маша в стольном Великом Новгороде, шумном красивом городе, далеко не впроголодь, но скромно. Поэтому свалившееся на нее наследство – старую усадьбу в заповедных лесах Приречья – оценила... неоднозначно. Однако и в усадьбах люди живут: у соседей обедают, гуляют, тайны разгадывают... влюбляются иногда.

И дом вполне может стать ее собственностью, вместе с землей и яблоневым садом, только нужно выполнить одно условие...

Глава 1

Девочка шла от калитки, робко оглядываясь.

На первый урок она приходила с мамой, графиней Ольгой Владимировной Опренской, а сегодня явилась с няней, которая в ожидании подопечной отправилась по магазинам.

По мнению Маши, в этом возрасте детям пристало носить удобную простую одежду, которую не жалко помять и испачкать... например, мокрым осенним листом, который прилип к модному светлому пальто ребенка.

Однако двенадцатилетнюю Нюту одевали слишком по-взрослому, роскошно, как маленькую аристократку, коей, впрочем, она и являлась.

Маша скупо кивнула и проводила ученицу в дом.

– Можешь называть меня Марья Петровна, сударыня или наставница, – велела она. – Я буду с тобой на «ты» как учитель с учеником.

После первых же минут занятия стало понятно, что толку из уроков не выйдет. Нюточка отвлекалась и косилась по сторонам. Все в гостиной было ей в новинку и в любопытство: деревянные статуэтки на полках, соломенные маски, глиняные свистульки – то, чем была богата коллекция покойного отца Марии.

Ни словеса кикимор, ни знаки саламандр на горящих поленьях, заданные Марией, не были выучены назубок или даже вполовину усвоены.

Ребенок явно и тетрадь-то не открывал. А ведь на первом уроке Маша дала Нюте самые азы, без которых на дальнейших занятиях делать нечего.

– Давай прервемся на чай, – наконец, вздохнула Маша. – И ты расскажешь мне, отчего решила изучать язык Поперечья.

Нюточка покраснела, как румяное яблочко.

– Мода? – уточнила Маша, разливая по чашкам крепкий ароматный чай.

На чае она не экономила. Ведь как можно скупердьяничать, когда дело касается любимого напитка, главной отрады свободных минут?

И печенье всегда брала свежее, овсяное или подороже, миндальное. А что? Заработок позволял. Получала она уж побольше учителей гимназий.

Девочка кивнула.

– Мода – это хорошо, – протянула Маша. – Иногда в погоне за ней люди учатся не только галстуки завязывать. Но ведь есть что-то еще?

Нюточка обреченно вздохнула и достала из сумочки затертую газетную вырезку.

Статный мужчина, неуловимо знакомый по частым упоминаниям в прессе, и мальчик-подросток за его креслом.

Подпись под фото гласила: «Вдольский князь Огненский с сыном Николая».

– Нравится молодой князь? Потому взялась язык учить?

Тут Нюту прорвало. Николай Огненский учился в мужской гимназии для высокородных вдольских дворян. Однако факультативы мальчики и девочки часто посещали вместе.

Таково было последнее веяние педагогической науки – «позволять отпрыскам благородных родов обоих полов с младых лет чинно общаться и под присмотром взрослых заводить ранние, но далеко идущие знакомства, дабы земля русская не оскудела браками по любви и взаимному хотенью».

Вдольским князьям, всем без исключения, изучать язык Поперечья вменялось по Кодексу Светлых родов. Некоторые старалась, иные – нет, и никто не ставил им этого в укор. Обязанностей вдольским князьям хватало, а все поперечные диалекты чтоб выучить – всю жизнь тренироваться нужно. Вот и перекладывали аристократы сию обязанность на переговорщиков и ведунов.

Нюточка решила, что нашла способ попасть в группу к Николаю. Вот только уровень у нее был нулевой, таких на факультатив не брали.

– Понимаешь, дорогая, – обратилась к ней Маша. – Николаю Огненскому сам бог велел знать поперечную грамоту. Они ведь, судя по фамилии, с саламандрами породнены, верно? А для тебя сия учеба может стать делом невыполнимым. Это труд, время, деньги. Вот ты почему задание не сделала?

– С подружками в цирк ездила, – едва слышно покаялась Нюта. – Вернулись поздно, устала.

– Вот видишь. Язык Поперечья сложный, в нем одних только диалектов малых созданий более сорока. И князь молодой, полагаю, далеко вперед тебя ушел.

Нюта подтвердила: ушел.

А она... она думала, Поперечье – это как в сказке: свистнуть, плюнуть, на крайний случай оземь удариться.

Сразу прибегут-приползут-приплывут магические помощники: зайцы да лисички, старичок-лесовичок, русалки... Она не знала, что так сложно будет.

– Так ведь они не всегда с благими целями приходят, поперечные создания, – уверила девочку Мария. – Это вот если захочешь посредником между нашими мирами стать, переговорщиком или ученым этнографом...

Этнографом Нюта делаться не собиралась. Она уже сейчас готовилась к первому выходу в свет в шестнадцать – дебюту при Великой Княгине.

И ведь столько дел впереди: танцы выучить, спинку изящно да правильно поставить, хорошему английскому и немецкому обучиться.

Маменька сказала, Нюта непременно станет звездой дебютного бала. А затею дочери по поводу темного языка лесного мира маменька не поддержала, просто папенька ведь Нюточке ни в чем не отказывает, вот и отпустил ее на уроки.

На фоне планов по покорению светского общества образ Николая Огненского как-то... потускнел. Померк, заслоненный шикарными перспективами.

Маша и Нюта обсудили последние фасоны и – ужас-ужасный! – удивительно удобные дамские брюки.

Съев печенье и выпив чаю, Нюточка воссоединилась с няней, радостно пообещав больше никогда к Марье Петровне не наведываться.

А Маша вздохнула и пошла допивать чай на веранде.

Денег за урок брать она не стала, хотя в бюджете ее, несомненно, еще шире приоткрылась дыра. Однако Марии претило брать оплату за несделанную работу.

Пусть лучше так, честно. В том, что она потеряла три рубля за урок, никто не виноват, кроме обстоятельств.

Она могла бы еще месяца два дурачить семейство Опренских, вытянув из него немалую сумму, а потом скорбно констатировать, что Нюта не справляется.

Многие ее коллеги так бы и поступили. Но это было бы ложью, а мама учила Машу не идти на сделки с совестью. Наказание все равно нагонит, не сейчас, так позже.

Мария постаралась изгнать неудачи из головы и сосредоточиться на поисках других учеников.

Однако вечером, к глубочайшему изумлению Марии Петровны, курьер принес посылку от отца Нюточки, графа Опренского.

Дав курьеру на чай, Маша открыла коробку и принялась с удивлением рассматривать ее содержимое.

Фунт дорогого хиндусского чая, полфунта амазонского кофе, конфеты с марципаном, монпансье, сливочное печенье...

В коробке был конверт. Маша с жадностью прочитала послание, написанное твердым мужским почерком:

«Глубокоуважаемая Марья Петровна, спасибо, что повлияли на Нюточку. Дочь – отрада моей жизни, позднее дитя, оттого пекусь о ней непрестанно. Знаю, балую безмерно и плоды сего пожинаю. Однако мы, родители, со всем опытом нашим прожитых лет, для нынешнего поколения уж не умны и не модны. Все-то черпают они из вольнодумной прессы и книг. Нюте полезно было услышать чужое мнение, здоровое и доброе. Потому примите небольшой презент и компенсацию затраченного времени. Еще раз с благодарностью,

Искренне,

Граф Виталий Семенович Опренский...»

Кроме письма в конверте лежали две десятирублевые ассигнации.

Первым порывом Марьи Петровны было написать ответную записку с благодарностями и вернуть деньги. Но затем она призадумалась, держа конверт в тонких пальцах.

Словно в подтверждение ее мыслей в приоткрытое окно ударил порыв ветра, уже не летнего, а прохладного, сырого, напомнив, что осень не за горами и надобно конопатить щели.

Дом, что Маша арендовала у дальней родни нового маминого мужа, нуждался в ремонте, пусть мелком, но регулярном и от того затратном.

Пора уж было позаботиться о покупке сорока пудов угля на зиму и оплате услуг ведуна, чтоб тот заговорил крышу от протекания. В случае чего, родня Михаила, конечно, на улицу не выгонит, но Маша считала делом чести в точный срок платить за съем и прочие услуги.

Опренские оплатили больше половины стоимости аренды. Если бы Нюта осталось Машиной ученицей, семья потратила бы намного больше.

И, в конце концов, это был подарок.

Потому Маша решила, что совесть не всегда должна повелевать здравым смыслом и прагматизмом, и положила ассигнации в шкатулку к остальным деньгам, отложенным на необходимые расходы.

Она неспешно вскипятила воду, растягивая удовольствие, сполоснула кипятком фарфоровый чайничек, заварила чаю и села пить его у окна. Конфеты были чудо как хороши, а печенье таяло во рту.

А утром чудеса продолжились. По рекомендации от Опренских к Маше явилась бойкая девица в брюках, пышной блузе и мужском галстуке.

Представившись активисткой и борцом за права поперечных созданий, барышня прочитала Маше прочувственную речь о пользе свободомыслия и выразила желание изучать темные языки, дабы, как она выразилась, не только словом, но и делом доказать преданность нелегкому делу – доставке просвещения в лесные массы.

Маша живо представила просвещенную кикимору или луговое лихо и раскрыла рот, чтобы отказать девице, однако та сунула ей запечатанную сургучом записку от графа Опренского.

«Сия девица – дочь графа Миронова. Говорит много, сумбурно, но искренне. Рекомендую брать с нее не менее четырех рублей за урок», – скупое, но емко гласило послание.

– Раньше языки Поперечья изучали? – медовым голосом поинтересовалась Маша у лучшей своей чувством собственной значимости барышни. – Нет? Тогда начнем с азав.

Еще в середине августа задули ветра с севера, и местные жители наперебой заголосили о приближении суровой зимы, какой давно не видывал Стольный града Новгород.

Маша все тянула с покупкой дров и угля, словно что-то предчувствовала.

Жизнь вроде как текла спокойно, тихо, как любила Мария: между уроками и к оним подготовкой, приготовлением скромной пищи на крохотной кухоньке, уходом за комнатными растениями и прогулками.

Но что-то свербело, закипало в душе, словно в преддверии изменений.

Сны снились странные, будто Мария убегает по лесу от чего-то страшного и непонятного. Но то, что пугает ее, одновременно привлекает. Во сне Маша каждый раз поворачивала обратно в чашу... и просыпалась.

Она пожаловалась на сны в письме маменьке.

«То дух авантюризма, присущий твоему покойному батеньке, – ответила та. – Я знала, что однажды он тебя позовет. Сопrotивляйся ему, доченька. Помни судьбу отца. Не минует беды тот, кто не ценит блага повседневные, Высшими силами даденые.

А у нас все хорошо...»

Маменьку Маша еще два года назад «отпустила» замуж.

Ольга Матвеевна посвятила дочери свои молодые годы, взрастила ее, не щадя сил, и дала образование. И даже сейчас, вопреки порывам сердца, не ответила бы на ухаживания земского врача Михаила Остаповича Волынки, продолжая опекать кровиночку, да Маша настояла.

Ну вот зачем, скажите, красивой, нестарой даме сидеть подле взрослой, самостоятельной девицы с образованием и профессией, когда можно еще найти личное счастье?

«Замуж, – велела Маша. – И немедля, пока жених на медицинских курсах в столице и руки просит».

Михаил Остапович маменьке понравился сразу. Был он основателем, неболтлив и добр. Мария с ним сдружилась, как и с дочерьми его от покойной жены, радуясь расширению родственных связей. Они переписывались и слали друг другу подарки на именины и Рождество.

Правда, Ольге Матвеевне пришлось переехать в Рязанскую глушь, и Маша очень скучала, особенно в первое время. Потом привыкла и даже научилась извлекать пользу от отсутствия родительской опеки.

В общем, у Маши все тоже было хорошо.

Ученики не давали кошельку опустеть, маменька пока не требовала искать мужа (намекы поступали, но были туманны), а предчувствия... на то и конец лета, чтобы душу в соответствие с погодой привести.

... Он явился в полдень – невысокий солидный мужчина, выставивший вперед основательное брюшко.

– Мария Петровна Осинина? Я Федор Терентьевич Колодков, поверенный Татьяны Варфоломеевны Осининой, вашей бабушки. К сожалению, она скончалась четыре месяца назад. Поиски наследников заняли некоторое время... могу я войти?

Маша машинально отступила от двери. Осинины? Родня отца?

– Позвольте, присяду? – поверенный проскользнул в коридор, гостиную, по-хозяйски пристроился на диване и принялся раскладывать бумаги из пухлого портфеля на журнальном столике. – Милое какое жилище у вас, Марья Петровна. Цветочки, картины, сувениры. Небось, и кот держите.

– Нет, условия аренды не позволяют, – растерянно проговорила Маша, еще не понимая, что ей делать: гордо выгнать гостя вон, напомнив ему о вражде отца и его родителей, или подождать, пока поверенный не озвучит полную цель визита.

– Жаль. Обожаю кошек. Без них уюту нет. А вы любите четвероногих братьев наших меньших?

– Кошек? Да. И собак. Соседский кот иногда приходит в гости... простите, вы сказали «бабушка»?

– Совершенно верно. Два года назад скончался ваш дедушка, Роман Александрович Осинин. Татьяна Варфоломеевна получила право распоряжаться имуществом семьи и тут же принялась искать вас, свою внучку, потомство от Петра Романовича Осинина. Надеюсь, бумаги, подтверждающие родство с господином Осининым у вас имеются...

– Да, все свидетельства у меня, о рождении, о смерти... Подождите... меня искали?

– Ваша матушка хорошо вас спрятала, – поверенный сконфуженно крякнул и коснулся такти деликатной темы. – При жизни ваш дедушка запрещал любые контакты с семьей сына.

– Я знаю, он винил маму в смерти отца, – жестко уточнила Маша, очнувшись от растерянности. – Но это неправда. Папенька погиб в экспедиции.

– И ваша бабушка выяснила все нюансы гибели сына и решила вас найти, – мягко улыбнулся Колодков. – Вы единственная наследница усадьбы «Тонкие Осинки», родового гнезда Осининых. Но есть одно условие.

Глава 2

– Погодите, Федор Тереньевич. Не так быстро, – с недоумением проговорила Маша, просмотрев бумаги. – Однако с чего вы, вот так сразу, решили, что я соглашусь принять наследство и тем более какие-то там к нему условия? К действиям госпожи Осининой... покойной... интереса у меня не имеется, как не было у нее, пока мы с мамой скитались да бедствовали. Нынче мы вполне устроены и в милостях чужих людей не нуждаемся.

Мария вызывающе смотрела на гостя, а тот выглядел задумчивым, но не недовольным.

Колодков еще раз оглядел гостиную, задержав взгляд на углах и стенах. Маша понимала, что он видит: скромный достаток, близкий к бедности.

Потолок облупился, обои остались от прежних квартирантов, в углу, куда не доставало тепло от камина, известка была сера от плесени. Уж сколько Маша с ней ни боролась, влажность от крыши всегда побеждала.

И Маша вдруг ясно осознала убогость своего жилья, скудность убранства и скромность платья.

Впрочем, сожаление как пришло, так и сгинуло, не успев отравить сердце.

– Понимаю вашу обиду, – Колодков вздохнул и обратился, наконец, свой взор на Марию. – Но и вы, Мария Петровна, рассудите здраво: бабушки вашей в живых уж нет. Сама она при жизни с мужем возможности исправить ситуацию не имела, а получив наследство, сразу принялась за поиски. Сие в ее пользу говорит, не правда ли? Ну да ладно, прощать Осининых или не прощать – дело ваше. С другой стороны, рассудите: имение опустело, скоро совсем в упадок придет, а места там прекрасные... Леса какие! Луга заливные! Река! А вы тут даже kota завести позволения не имеете. Да что там кот! Бабушкой вашей учрежден солидный фонд на ваше проживание, а также поддержание дома, яблоневого сада и хозяйственных строений в приличествующем виде. Не согласитесь – деньги уйдут на строительство пансиона для девиц.

Мария пожалала плечами. Пансион так пансион, дело хорошее.

Но упоминание о лесе, реке и саде всколыхнули давно таившуюся в душе тоску по детству.

Когда-то лес начинался с заднего двора их маленького домика, а в саду спела клубника, мелкая, но сладкая, словно мед. И мед имелся, лечебный – папенька приносил его из глухой чащи, договорившись с лесным народцем, чтобы не жалили его дикие пчелы.

Сердце Маши забилося чаще, и она опустила глаза, чтобы Федор Тереньевич не разгадал ее колебаний.

– Вы хотя бы съездите и посмотрите, Марья Петровна, – прижав к груди руки, взмолился Колодков, – сейчас, пока ученики ваши на вакациях.

– Вы и об этом знаете? – невесело усмехнулась Маша. – Справки навели?

– Знаю, – легко признал поверенный. – Навел. Дело серьезное. Наследство-то не маленькое.

– А условие?

– Пустяковое, – Колодков махнул рукой. – Прожить в поместье три года, ни месяцем меньше. Отлучаться за те три года не более, чем на три месяца, по месяцу в год – родню навещать, туалеты обновить. Вы, как знаток поперечных языков, легче простого с таким условием справитесь.

– Какая тут связь? – Маша нахмурилась. – Не понимаю.

Колодков развел руками:

– Сам я в подробности не вдавался. За что купил, за то продаю. Знаю только, что Приречье богато поперечной флорой и фауной, ученые туда приезжают, фольклористы. Тетушка ваша, Маргарита Романовна, в детали вас посвятит.

– У меня и тетя имеется? Ах да, папина сестра Марго! – воскликнула Маша, пытаюсь вспомнить, как отзывался о Маргарите папенька.

Или маменька, с его слов.

Ничего не вспомнила, хотя имя в разговорах мелькало.

– Родная, – Федор Терентьевич серьезно кивнул.

– Так чего ж она сама в наследство не вступит?

– Маргарита Романовна – вдова генерала Дольского, заслужившего солидные милости от Государя за безупречную службу на Дальних рубежах. Женщина она богатая, свою часть доли Осининых получила после смерти отца. Поместье, Марья Петровна, на вас выписано, тетушка ваша к нему отношения не имеет, да и не нужно оно ей. Живет она, кстати, недалеко, в имении «Тихие версты». Будете соседями.

– Я еще не согласилась, – строго напомнила Маша.

– Так вы подумайте, подумайте, – засуетился поверенный. – На бумаги ваши позволите взглянуть? А я пока телеграмму Маргарите Романовне отобью и билетики в первый класс выкуплю. До Приречья доеду с вами, а там вас встретят.

Маша согласилась подумать.

Вечер она провела, расхаживая по комнатам.

Следовало написать маменьке. Но Маша тянула, размышляя. Маменька непременно станет отговаривать, уж Мария знает, как она горда. Но разве будет кому несчастье, если Маша съездит в места, где прошло папенькино детство? Никто ведь пока от нее согласие на вступление в наследство подписать не потребовал.

Деньги у нее есть, отложены на поездку к морю. Чем Приречье хуже моря? Она посмотрит. Отдохнет. По лесам побродит, авось и языки поперечные потренирует.

И ведь действительно – ученики на каникулах в честь именин Государя, круглой даты. А Маша... она так устала, не столько от труда, сколько от того, что один день на другой похож.

Сердце заныло, городской пейзаж в окне показался серым, тусклым.

Мария села составлять записку Колодкову, с согласием на ее условиях: не давить, не уговаривать. А маменьке она из поезда напишется.

У Маши как раз имелось подходящее платье для поездки в вагоне второго класса с плацкартой, выкупленной Колодковым. Платье было модным, нового смелого силуэта, чуть зауженного к низу и на целых полфута открывающего ногу над ботинком.

Шляпка тоже весьма отличалась от тех, что доходили до Маши в каталогах прошлых лет. Темно-синяя, фетровая, без лент и прочих украшений, с полукруглыми полями, она красиво обрамляла лицо и подчеркивала высокие, «монгольские» Машины скулы.

Модные наряды Мария Петровна приобрела весной, в Новом Пассаже, когда слушала лекции по педагогике и дидактике при Московском университете. Она собиралась в путешествие к морю, но пригодились туалеты гораздо раньше.

Маша чувствовала себя слегка неловко и скованно, пока ехала на извозчике к вокзалу. Но на вокзале это чувство прошло.

Многие горожанки, как высшего, так и мещанского сословия, традиционно подражали стилю великих княгини и княжон, чья резиденция располагалась в Великом Новгороде и чьим присутствием так гордились местные жители. В солнечный день, что выдался на исходе сентября, улицы пестрели кружевными зонтами и полями широких шляп с цветами и драпировками.

Но Маше наряды на горожанках казались старомодными и неудобными.

Хорошо носить ленты и рюши, фланируя по Летнему саду в погожий денек. А походи в длинных шифонах по старой новгородской брусчатке – на фут подол заляпаешь.

Попробуй вместиться в конный трамвай с такой высокой тульей!

А уж эти зонты! Где только ни забывали их рассеянные дамы!

Первую часть пути Маша путешествовала в одном купе с пожилой германкой, ехавшей к мужу-предпринимателю на юг.

Колодков расположился в другом вагоне. Мария думала, в пути он будет просвещать ее на предмет истории Осининых, но он лишь занес ей пироги с капустой.

Соседка плохо знала русский, а Маша хоть и владела немецким, особого желания болтать не испытывала.

В Москве предстояла пересадка. На ночь Колодков заказал номера в привокзальной гостинице, а утром путешественники погрузились в «Новый Южный состав с особыми удобствами».

Той роскоши, что встретила Марию в одноместном купе первого класса, она, конечно, и ожидать не могла. Там имелись мягкий диван, полка, кресло и даже крошечная уборная. Маша целый час провела, сидя на бархатных подушках и привыкая к уединенности.

Вскоре подали чаю. На обед Колодков отвел Машу в вагон-ресторан, поужинали они в привокзальном кафе на долгой остановке, а ближе к ночи горничная осведомилась, когда «постилать барышне для отдыха».

Вот так сразу деньги Осининых (в путешествии Колодков тратил отдельную часть фонда, учрежденного Маргаритой Романовной Дольской-Осининой для «обустройства наследницы») хищно набросились на Машу и попытались склонить ее на свою сторону.

Нельзя привыкать, уговаривала себя Мария, засыпая на льняных простынях с запахом лаванды. Достаток, разумеется, дает удобство телу, но только умеренность воспитывает в человеке сильный дух.

Однако поутру эклеры в вагоне-ресторане были так хороши, что она опять изменила самой себе – съела три штуки, запивая терпким чаем.

В Помеж-граде они с Колодковым сошли и отправились в гостиницу. Поутру поверенный погрузил Машу в двухместный экипаж с изображением осинового листка на дверцах – символа рода Осининых.

– Тихон отвезет вас в «Тихую версту», к тетушке, – уверил Машу Федор Терентьевич. – Путь неблизкий, я вам там корзинку с едой уложил и всякие мелочи, полезные в дороге. По пути три станции – там отдохнуть можно. Но лучше не задерживаться, чтоб до ночи доехать. По ночам по Приречью лучше не путешествовать. Что еще? Маргарита Романовна – женщина властная, резкая даже, но разумная. По завещанию возложено на нее ввести вас, так сказать, в курс семейных дел. Соседи у вас хорошие, молодежь даже имеется. Леса... заповедные, дивные. Как устроитесь, черканите записочку вот на этот адресок.

– А вы? – спросила Маша.

– Как только решитесь, Марья Петровна, тут я и подспею, с бумагами. Вы вольны любое решение принять. Однако спешить отказываться не стоит. Раз в жизни такой случай дается, не упустите. Удачи вам!

– Спасибо, – поблагодарила Колодкова Мария.

Неразговорчивый кучер Тихон, полностью оправдывающий свое имя, был, однако, вежлив и услужлив. Маша устроилась, позавтракала и подремала немного, подложив под голову кожаных подушечек.

Проснулась она, когда карета съехала с главного тракта на проселочный. Поглядела в окно, приподняв экран. Тихон стоял на перекрестье дорог и глядел вдаль. Вот он собрал с обочины пук веток, две положил в центре сходящихся путей параллельно друг к другу, четыре сложил крестом.

Для Вдолья и Поперечья, поняла Маша, знакомая с народными ритуалами.

В центр креста Тихон сыпнул пшеницы, кинул пару полосок сушеного мяса и горсть ягод. Затем кучер пошептал что-то амулету на шее и вернулся на место.

Экипаж проложил путь.

Маргарита Романовна ждала гостью на крыльце дома. Это была высокая статная женщина, одетая в строгое платье по моде прошлого десятилетия.

При взгляде на ее лицо у Маши екнуло сердце: внешность отца она помнила плохо, но, видимо, было что-то в чертах его сестры, что отозвалось в памяти. Глаза, наверное. Но у отца они точно были живыми, смеющимися, а у тети – напряженными, без тени улыбки.

И Маше она кивнула как-то по-деловому, произнеся приличествующие случаю слова:

– Мария Петровна, добро пожаловать в «Тихие версты». Как доехали от станции?

Маше сразу полегчало. Она понятия не имела, что бы делала, набросься на нее тетушка с лобзаниями и объятьями. Тетушка же демонстрировала, что выполняет свой долг, и родичаться до хруста костей с новоявленной наследницей не собирается.

При этом она была вежливой и даже приветливой, пока разговор шел в пределах нейтральных тем. Такое положение дел Марью Петровну более чем устраивало.

Она заверила Маргариту Романовну, что доехала отлично, по хорошей дороге и быстро.

– Повезло, – одобрительно кивнула тетя. – Дождем тянет. У нас так часто: весь день ведро, а к вечеру – как из ведра. Скоро закат. Не будем ждать, поедем в «Осинки». Я заранее послала слуг, как только Федор Терентьевич телеграмму отбил, – просушить перины и подушки. Дом уже два года стоит нежилой.

– Но Федор Терентьевич сказал, что... – слово «бабушка» Маше произнести было сложно, – Татьяна Варфоломеевна скончалась четыре месяца назад.

– Все правильно, – помедлив, ответила Маргарита Романовна. Смуглая девица в строгой форме подала ей капор и накидку. – После смерти отца мама жила у меня.

Маша кивнула. Почему-то тревожно кольнуло сердце.

Они сели в двуколку. В дороге Маргарита Романовна говорила мало. Спрашивала о путешествии в поезде, кивала на проплывавшие мимо пейзажи:

– Вереева поляна, Датские луга, Мельников овраг. Дальше дом Возгонцевых, брошенный. Не ходите туда. Вон то – поместье Абрамцевых, там нынче гостят брат и сестра Абрамцевы, Сергей и Елизавета, племянники Софьи Сергеевны. Представлю вас. Лизонька весьма охоча до гостей. Вон там начинаются земли вдольских князей Левецких, сами они давно в Петербург перебрались, однако имение поддерживают в порядке.

От красоты видов у Маши кружилась голова. Пахло то яблоками, то речным илом, то прелой листвой. Рощицы нарядились в желтое и красное, вдоль дороги атели ягоды боярышника. Горизонт застлало розовой дымкой, и долина смотрелась акварельной чашею.

Колеса двуколки застучали по каменному мосту над широкой, плавной рекой.

– Велеша, – бросила Маргарита Романовна. – Неглубока, но омутами опасна.

– Значит, и водяницы в ней живут? – оживилась Маша.

– Живут, – покривившись, подтвердила тетя. – Давно пора управу на них найти, спасу от поперечной нечисти нет.

Маша кашлянула в кулачок и остаток дороги молчала, только смотрела по сторонам.

– Не видать? – лениво спросил Сергей, оторвавшись от книги.

– О ком ты? – фальшиво удивилась Лиза, продолжая глядеть в окно на пыльную дорогу, ведущую от поместья на холмы.

– О младом вдольском князе Иване Левецком, бессовестно не ответившем на твое... третье?... приглашение.

Лиза сбросила маску томности, в сердцах смяла пригласительную карточку Абрамцевых, дорогую, с золотым тиснением и вензелями. Бросила ее на пол. И после посмотрела с сожалением – денег на новые приглашения уже не было. И в этом была вся Лиза – гнев временами затмевал практичность и благоразумие.

Напоминание о неподвластности собственного характера еще больше разозлила Лизоньку и она направила свой гнев на господина Левецкого.

– Каков невежа, а! А еще князь! Так презреть внимание местного общества! И с кем он кроме нас и Лопушкиных планирует тут общаться? После этакой игнорации никто с ним и не заговорит даже! Прибыть тайком, с визитами соседей не объехать... Если бы не фон Лингены, я бы до сих пор не узнала, что наследник вернулся на родовые земли!

– Может, он вообще ни с кем тут общаться не собирается? Распоряжения отдаст – и в Петербург.

– Ну знаешь! Долг любого вдольского аристократа – быть в связи со своим народом. И исполнять приличествующий этикет!

– Этикету Левецкий не соблюдает, эт да, – усмехнулся Сергей. – Это я о нем слышал. Эт с ним бывает. Так ему можно-с, он вдольского рода, с Великой княгиней в родстве. Батюшка его в Парламенте заседали-с, пока живы были...

– Что еще о нем знаешь? – жадно спросила Лиза, пересев на диван к брату. – И чего молчал-то? Я тут бегаю, сплетни собираю, а ты, значит, в курсе?

– То, что я знаю, тебя ничем не порадует, – Сергей сел и с зевком отбросил книгу на софу. – Впрочем, слушай. Иван Леонидович молод, хорошо собой, потому избалован вниманием дам. Однако балов и вечеринок сей господин не посещают, много по заграницам разъезжают, нашей светской жизни сторонятся. Родители князя погибли во время крестьянских бунтов. Имеется сестра. Великая княгиня, говорят, прочит Левецкому в жены фрейлину Ягумскую. Так что ловить тут тебе, сестренка, нечего. Еще слухи ходят, связан он с Тайной магической инспекцией, но, думаю, это враки, – неуверенно добавил Сергей.

– Откуда ты столько знаешь о Левецком? – изумилась Лиза.

– Один друг рассказывал, – уклончиво пояснил брат. – Он принадлежит к обществу... так, к собраньицу небольшому... по интересам, так в нем князем интересовались... немного. Но Лизонька не дослушала, взвилась с места, и голос ее донесся уже из библиотеки:

– Серж, а где наш альбом с бала в Новгородском Кремле с позапрошлого года?

– Понятия не имею, – ворчливо отозвался брат. – Так ты еще и альбом с собой притащила?

– А как же! Должна же я иногда смотреть... вспоминать свой триумф... плакать украдкой... лица соперниц изучать... Ага! Вот и Ягумская!

Лиза еще немного пошуршала в библиотеке и вернулась в гостиную с видом победительницы:

– Ягумская – тощая жердь! Я гораздо ее красивее!

– Но ты не фрейлина со ста тысячами рублей годового дохода и титулом.

– Но и не мешанка какая-нибудь! Титул! – Лиза фыркнула. – Что сейчас решает титул?

– Все! Так же, как и прежде, – брат поморщился и с пафосом продолжил, словно зачитывая строки из памфлета. – И не только в России, а и в просвещенных Европах. Так называемые революционные силы Русь Вдольную не только из тьмы не вытянули, но еще и глубже в болото затолкали. А ведь с первого взгляда ясно было – не готова Россия-матушка.

– Ой, только не надо про политику! – Лизонька дурашливо прикрыла уши ладошками. – Не могу слышать твоих агитаций! Это тетушка еще не знает, что ты политикой увлекся. Иначе вышвырнула бы тебя вон.

– Не сомневаюсь. По пяти раз на дню вспоминает, как бунтовщики у нее сарай с яблоками дотла сожгли.

– А ты с ней не спорь! Не зли ее! Нам больше деваться некуда! И про игры свои политические забудь! Не в том мы положении.

– Знаю, – буркнул Сергей. – Однако существенно исправить сие положение посредством господина Левецкого не особо рассчитывай. Если господин Левецкий с головой дружит, осядет при дворе.

– Посмотрим. Князь тоже мужчина. Ты же сам знаешь, Сереженька, страсть не в голове рождается, иначе все высокородные женились бы на равных. Наука статистика другие цифры приводит. Мне бы только князя к себе заманить. Ну помоги, братец! Сделай что-нибудь! Съезди к Левецкому с визитом, что ли!

– Повременю, – проворчал Сергей, возвратившись к книге. – Мне этот тип заочно не нравится, а коли он сотрудник Избы(*), даже руки ему не подам. А ты езжай в Петербург... или в Великий, если так князя хочется.

(*альтерн. – разговорное прозвище Тайной инспекции)

– Ага! В позапрошгодних туалетах щеголять. Да и что я там смогу, на чужом пастбище? В соержанки не пойду! – Лизонька насупилась. – Левецкий – мой последний шанс.

– Мне твоя затея не нравится, – Сергей вздохнул и вытянулся на диване. – Милое общество одиноких дам до сегодняшнего дня меня вполне устраивало. Было тихо и скучно, фроляйн фон Линген разливала чай, мадам Лопушкина приносила печенье, Мэри Лопушкина, правда, иногда пела, но ради пирогов их кухарки я готов был терпеть. И вот тебе, здрасьте!

– Мы бедны, – наклонившись к брату, жестко напомнила ему Лиза. – Разорены. Ты должен помочь мне... выбраться из жалкого положения.

– Ладно, ладно! Что-нибудь придумаю, – помрачневший Сергей вдруг оживился: – Вспомнил, что забыл рассказать. Утром, когда ты гуляла, заезжала Мрачная дама.

– Маргарита Романовна? – нахмурилась Лиза. – Без предупреждения?

– Да, на нее не похоже, но и повод был. Вот, держи сенсацию: в «Тонкие осинки» приезжает наследница. Молодая. Зовут Марией. Вроде дочь сына покойной Татьяны Варфоломеевны.

– У Осининых есть сын?

– Был. Сгинул. Подробностей не знаю. Мрачная дама так и выразилась: «сгинул». Семья долго искала эту самую Марию, а потом еще и уговаривала приехать. Вот, их поверенный телеграммой сообщил, что уговорил.

– Уговаривали, значит, она богата? – задумчиво предположила Лиза.

– Не угадала. Она учительница. Живет в Великом, причислена к мещанам.

– Молода?

– Лет двадцать. Про внешность не спрашивай. Дурна ли, хороша ли, Осинина не упоминала. Мадам просила всячески гостью опекать, не дать заскучать и убедить принять наследство. Мол, остатки местной цивилизации весьма заинтересованы, чтобы цивилизация сия не погибла. Не пойму только, про «не дать заскучать» это она съзвила?

– Я конечно, против Маргариты Романовны не пойду, – задумчиво проговорила Лиза. – Родственницу ее к себе пригласи и вниманием не обделю. Только не знаю пока, радоваться, что обществу прибавится, или тревожиться, что придется общаться с тем, кто ниже нас по положению.

– Например, с молодой незамужней дамой, – съзвил Сергей. – Образованной. Наследницей имения, что совсем близко к усадьбе Левецких. Что там наука статистика о мезальянсах говорит?

Лиза снова отошла к окну и устремила застывший взгляд на аллею.

– Поживем увидим, – процедила она.

Глава 3

Над «Тонкими осинками» разливалось золотое облако. Солнце садилось за леса, за осиновой рощицей что-то сияло, переливалось отражениями.

– Пруд, – коротко пояснила Маргарита Романовна на вопрос Маши. – Черноводный. Замертвел пару лет назад. Идемте.

Пахло яблоками, сад весь прогнулся под тяжестью плодов.

– Колокольчик, – пояснила тетя по дороге. – Сорт такой, местный, поздний, под заморозки зреет. Гниет на ветвях прямо. Раньше весь урожай в Родовейске подчистую продавали, сейчас разве что на сидр в Клементьевку свезти.

– А как далеко отсюда Родовейск? – поинтересовалась Марья Петровна, не уставая восхищаться аллеей и садом.

Кое-где угадывалось нечастое вмешательство садовника, иначе все это буйство зелени приняло бы куда большие размеры.

– Двадцать верст. Небольшой городок, но шумный, – Осинина поморщилась. – На Помеже-реке есть причал, на пароходике полтора часа. Но ежели со всяким людом не желаете брызги глотать, скажите мне. Моторов и мотоциклеток новомодных не держу, а экипаж заложить велю.

– Спасибо.

– Клементьевка, помещика Лопушкина деревня, за холмами, отсюда не видно, а вон то – земли Левецких, вдольских князей. Абрамовка виднеется... нынче уж Абрамцевым не принадлежит, господа часть земли в крестьянскую общину продали. Вот и все соседи.

– Здесь и вдольские князья живут? – удивилась Маша.

– Не живут, навевываются. Левецкие блюдут старинные законы. Их сюда посадили для Равновесия триста лет назад – они и сидят. Злые языки болтают, – Маргарита Романовна остановилась, невидяще глядя вдаль, – что законы Поперечья в этих землях равны людским и даже выше их. Это не так. Не слушайте никого, Мария Петровна, но и в леса без надобности не ходите. Обещаете?

Маша неопределенно наклонила голову. Обещать не делать того, ради чего она, собственно, и приехала, было бы нетактично.

– Со слугами только все крайне печально. Деревенские в «Осинках» служить не хотят, дескать, больно дом долго пустой стоит. Но мы же с вами не верим в глупые суеверия, верно?

Тетушка явно противоречила самой себе. Если уж и признавать тутошные обычаи, так вместе с Поперечьем и крестьянскими поверьями. Будь сила Поперечья здесь даже вдвое меньше той, что властвовала в старой деревеньке, где Маша родилась и росла до десяти лет, местное население имело полное право на мнительность.

– Слуг я вам пришлю, – продолжила Осинина. – Есть у меня Марфуша, выписала ее из Петербурга. Городские девки посмелее тутошних, главное, накинуть рублей восемь-десять к жалованию. Кухарку надобно, пару горничных, чернорабочих, конюха, если конюшни восстановить пожелаете, садовника с помощником. Остальным займется управляющий Аким Фалантьевич. Вся земля, пашни и луга, в аренде, за лесом, небольшой он, но на порубку кое-что собирается, лесники следят. Вам лично беспокоится не о чем. Но ежели захотите остаться, – тетушка сохраняла нейтральный, даже равнодушный тон, – заботу о доходах с имения придется взять на себя, документацию вести, налог платить: на вырубку, сплав и бортничество. Впрочем, по завещанию в течение трех лет поместье и земли останутся под моей опекой, а вам надлежит постепенно в дело входить. В тот срок причитается вам триста пятьдесят рублей пятью чеками в месяц на личные расходы и содержание прислуги. А пока выдам сто пятьдесят рублей ассигнациями и серебром, на две недели, как вы и хотели...

Маша, увлеченная разглядыванием дома, выросшего в конце дорожки, удивленно ахнула. Сто пятьдесят рублей! Зачем так много? Даже если вычесть на жалование слугам, все равно в избытке!

Да и не решила пока Маша, останется ли.

Но женщины уже входили в дом с парадного крыльца, пройдя вдоль выбежавших навстречу горничных с метелками и нескольких деревенских баб, видимо, приглашенными для масштабной уборки.

До ушей заросший бородой мужичок поволок в дом Машины чемоданы.

Там, где Маша родилась, такие дома назывались манорами. От ворот вокруг цветника, некогда роскошного, а теперь неухоженного, к нему вела укатанная аллея.

Кухня и людские покои традиционно располагались в правом флигеле, а парадные комнаты – в центральном, «большом» доме.

Слева от холла разместились уютная гостиная с английским, библиотека и буфет. На втором этаже «большого» Маша осмотрела четыре спальни и будуар. Верхний же этаж левого, гостевого флигеля, по словам тети, был закрыт еще при жизни супруг Осининых.

Ветхости в особняке не наблюдалось, хотя дух нежилой присутствовал. Мебель была прикрыта чехлами, пахло влагой от тряпок уборщиков.

– На нужды поместья средства идут из другого фонда, – пояснила Маргарита Романовна тем же деловитым сухим тоном. – Вот вроде и все пока. Нам пора возвращаться.

– А я, пожалуй, останусь уже, – храбро решила Маша. – Отпуску у меня немного, всего две недели, начну знакомиться прямо сегодня.

В глазах тети промелькнуло странное выражение.

– Однако из слуг с вами остаться никто не захочет, – возразила она.

– Так и не надо. Я привыкла сама о себе заботиться.

– Как пожелаете, дорогая. Все необходимое вы найдете наверху и в кухне, в шкафах и кладовках, – выразительно помолчав, сказала Маргарита Романовна. – Аким Фалантьевич прикупил снеди в деревне и положил в холодильный шкаф. Утром я пришлю к вам Марфушу.

Маша улыбнулась и кивнула. Она уже предвкушала, как будет осматривать огромный дом, представляя его своим, но разумом понимая, что здесь ей не место. А сердцем же... на сердце было разное.

... Маша догадывалась, почему среди слуг Маргариты Романовны не нашлось желающих провести ночь в доме Осининых. В особняке давно и основательно поселилось Поперечье.

Деревенские знали: хорошее место недолго пустым стоит. Нет хозяев – лес рано или поздно к рукам приберет. И не каждый после того с подселенцами договориться сможет. Маша сможет... наверное.

После Реформы и освобождения крестьян многие поместья разорились, а то и были брошены. Там, где человек не живет, дом быстро ветшает и осыпается. Ближе к югу нечисть тогда особенно расплодилась.

Потребовались годы, чтобы вдольские князя с ведунами и ведуньями навели на пустующих землях порядок. Отец Маши, помнится, и сорок лет спустя по срочным вызовам в ночь срывался. В одной такой экспедиции и погиб в наводнении, селян спасая...

Марья Петровна обошла дом и нашла как несколько явных признаков присутствия нечисти – остатки гнезда кукувицы, следы луговика на потолке кладовой над коробами с зерном, склад домовика (сухари, сушеные яблоки и орехи), так и неявных – запах ила и свежескошенной травы на задней террасе, побеги цветущего кремь-чая под крыльцом.

Поперечье испокон веков тянулось к человеческому жилью, впитывало эманации людские подобные тем, что пока хранил дом: эмоции, остатки снов, воспоминаний и мыслей.

Но еще год-два, и от них не останется и следа. Тогда Поперечье уйдет, и хорошо, если вместо домовых, игошек и паучьих теневиц не поселится в пустом, ветшающем особняке нечто пострашнее.

Маше пришлось признать: покамест не она хозяйка в доме Осининых. Ничего, подвигнуться не беда – беда, если Марию не примут. Тогда плакали две недели отпуска на свежем, сладком воздухе Приречья.

Впрочем, ночь все покажет, по местам расставит.

Маша ходила по дому и больше не удивлялась, почему Поперечье так просто облюбовало Осининский манор. Дом болел. Он скрипел и жаловался на нездоровье и дурные сны. Он был рад любому вниманию и привечал даже нечисть. И еще... в нем жили странные сквозняки. И обычные случались, от щелей в осевших окнах, но были и другие, ни с того ни с сего, ледяной водой по ногам и лицу...

Нет, не мертвый дух скончавшихся в нем людей рождал тревогу – что-то иное.

Маша пообещала себе, что в ближайшие дни побывает на могиле Осининой. Однако она была уверена, что Татьяна Варфоломеевна упокоилась с миром и всеми полагающимися ритуалами. Что до Романа Александровича, следов его жизни в особняке Маша так и не отыскала. Словно бы и не жил он тут никогда.

Дом жаждал тепла и внимания. Затаив дыхание, следил он за передвижениями... нет, не хозяйки, гости. И это несказанно смущало Машу, бередило ее тайные желания: остаться, хозяйской рукой навести порядок, изгнать то мертвое и печальное, что поселилось в маноре.

Кухня поражала своими размерами и количеством невиданной утвари. Очевидно, Осинины были большими поклонниками вкусной еды.

– «Штерн и сыновья», – с удивлением и уважением прочитала Маша на огромном агрегате для взбивания, нарезки и вымешивания. – Германского производства машина. Ого!

Ей к такому даже страшно было подходить, а хозяйева дома, надо же, из Германии технику выписывали. На чем же она работала?

Заинтересовавшись источником энергии для кухонной машины, Маша обнаружила подключенный к агрегату толстый электрический провод, а в углу – рычажок общего переключателя. Значит, где-то имелась и электрическая машина.

Маша щелкнула выключателем, лампа над кухонным столом вспыхнула и медленно погасла. Однако сам факт наличия электричества в доме весьма бодрил.

С утра следовало поговорить с управляющим. Раз имеется электрическая машина, значит, удобств получить можно и поболее. Вот и котел в каморке за кухней отыскался. Это сколько же времени Маша сэкономила бы, воспользовавшись электрическим нагревом воды в ванной! А теперь придется с ведрами побегать.

В холодильнике шкафу Мария нашла творог, сметану, мед и чесночную колбасу. Она приготовила любимое с детства лакомство: выложила ровным слоем творог и густую сметану поверх, а по сметане полила гречишным медом, нарисовав смешную рожицу.

Кусок колбасы, даром что к сладкому вроде как не подходил, умялся с творогом в пару укусов. Чай Маша выпила на террасе своей, привезенный из Новгорода, английский с апельсиновой цедрой.

Запах яблок из сада примешивался к аромату чая. Где-то ухал сыч.

Маша сидела в плетеном кресле на открытой террасе с видом на мертвый пруд – вот она я. Сижу, чаи попиваю, соловья слушаю, планы строю, жду лесных гостей.

... Сытая и сонная Марья Петровна поднялась наверх.

Спальню она выбрала поближе к лестнице, мало ли что. Окна проверила и закрыла. Дверь внизу тоже не поленилась – спустилась и подергала.

Однако против Поперечья любые основательные меры предосторожности были как солома против огня – лишь привлекут внимание. Нечисти только дай поглумиться над пугливым, осторожным человеком. Но не на ту попали.

Маша могла бы начитать заговоры, запечатать окна и двери тайным словом – просто, чтобы выспаться после хлопотного дня. Однако с Поперечьем так дела не велись. Явился – представься, кто таков, обозначь свое право в чужом доме ночевать. И желательно с церемониями не затягивай, Поперечье ждать не любит.

– И ведь Маргарита Романовна должна была это знать, – пробормотала Маша, лежа в кровати на выбитой и поздним солнцем прогретой пуховой перине под овечьим одеялом. – И про законы Поперечья, и что абы кого нечисть в стоялый дом не пустит. Или не знала?

В Березовке, где Маша жила с мамой до переезда, каждый ребенок ведал, как поладить с лесным народом. Здесь даже вдольские князья имеются. А местные дворяне всю жизнь подле леса прожили и ни сном ни духом?

Что это? Проверка? Чего хочет тетушка: чтобы Маша убралась отсюда побыстрее или чтоб осталась? Три года прожить – и дом ее будет. И земли ее, пусть и немного их осталось после Реформы. И сад.

С приятной мыслью о яблоневом саде Марья Петровна сладко задремала...

... Кикиморы, по мнению Маши, всяко были поумнее своих мелких водных сородичей. Увы, и подличать они умели гораздо изобретательнее.

Потому услышав шлепки влажных лап у двери спальни, Маша тут же проснулась и сосредоточилась. И гости болотные замерли, чувствами своими определив, что она не спит, но назад не повернули – зашлепали губами, словно зачмокали. Будь на месте Марьи Петровны обычная девушка, как пить дать всех святых помянула бы.

Маша же нахмурилась (говорить с поперечными следовало строго, сразу обозначив свои права на пребывание в доме), правильно набрала воздуху и напрягла горло. Забулькала болотными словесами:

– Вы, малое божье племя, попутали что, видать? Зачем явились посреди ночи? Спать не даете.

В рядах кикимор возник небольшой переполох. Кажется, болотницы обрадовались, что человечья гостья сможет с ними объясниться. Вот и хорошо. Говорить всяко лучше, чем воевать.

Маша тоже заволновалась. С непривычки произношение у нее было так себе – сказывалось долгое отсутствие нормальной практики. Когда она последний раз с болотным людом разговаривала? Да в поездке за город с барышнями с Высших курсов, год, почитай, назад. А еще преподаватель, называется.

Маша так и сидела в кровати, приподнявшись на подушках. Смотрела в окно, к двери не поворачивалась.

Поперечье не любит прямых взглядов, праздного любопытства, это Маша усвоила еще в детстве. На личном опыте, так сказать. Потенциалы свои магические она знала, будучи хоть и вдольского роду, но с кровью разбавленной, слабой.

Все, чем владеет Мария – словеса, а слово не руна и не писаница. Власти над Поперечьем у Маши нет.

Кикиморы, как оно у них водится, в переговорщики выставили самую старую болотницу (Маша покосилась-таки), имевшую необычайное сходство с гнилым поленом. Говорила кикимора разборчиво, видно, имела опыт общения с непонятливым человечьим племенем:

– Спасибо, что помянула нас божьими, – вежливо проквакала старуха.

Маша пожала плечами:

– Так ведь все мы Творца дети.

– Ты Петра из этой каменной норы семя? – поинтересовалась кикимора.

– Петр Осинин был моим отцом, – подтвердила Маша, скорее угадав, чем поняв, о чем спрашивает болотница. В болотном языке не имелось полноценного слова для человеческого дома.

– Ведаешь наш язык?

– Ведаю, как видишь.

– Нору себе заберешь?

– Заберу.

Всего-то Марья Петровна хотела, чтобы кикиморы лжи не почувствовали, а прозвучала эта фраза столь уверенно, что Маша сама поверила: заберет, и жить тут будет, яблоки собирать, сидр гнать. Гулять по утрам станет, с удовольствием, чай, луга это тебе не пыльные городские тротуары.

– До зимы живи, – вдруг велела болотница.

– А там? – удивилась Маша.

– А по зиме уходи. Беги. Иначе придут по твою душу. Договор. Договор имеется.

Маша бессознательно потянула на себя край одеяла, поскольку со всех сторон потянуло внезапно холодом. Забились на ледяном ветру занавески, луна скрылась за сизыми облаками, в голове словно голоса зашептали: беги, беги! И через секунду все стихло, будто не было.

– Какой договор? Кто придет? – сбилась на человеческий язык Маша.

Кикимора ее поняла, ответила:

– Мы его не видели. Водяной видел. Мы не скажем. И водяной не скажет, сгинул он. И братья его промолчат. Страшно. Страшно нам. И лениво.

– Услуга! – выпалила Маша *веское* слово, поняв, что торги начались.

Она что-нибудь сделает для болотниц, а они обязаны отплатить ей добром или советом. Таков закон Равновесия.

Болотницы зашептались. После старуха изложила суть просьбы.

Пруд при усадьбе давно стоит мертвым. С тех самых пор, как нечто злое явилось в дом и говорило с хозяином. Водяной в том пруду сгинул. Кикиморы едва выживают, кормиться ходят в омуты, с русалками вот на сей почве поссорились.

– Очисти пруд, – велела болотница на прощанье. – Тогда беседу нашу продолжим.

Маша долго лежала в темноте без сна. Легко сказать – очисти. В мертвой воде не живет рыба и кувшинки не цветут. А ведь раньше, должно быть, редкой красоты водоем был.

Хороша задачка, сложна – тем и интересна.

Но что за зло приходило к старику Осинину? Загадка.

Глава 4

Иван Леонидович Левецкий скакал по лугам Приречья, радуясь свободе и отдыху. В родных местах он не бывал лет десять. Сердце замирало от видов, вроде с юности позабытых, но в душе откликающихся сладостью. Воздух пьянил, кружил голову почище молодого вина.

И верхом Иван не ездил давно, увлекшись новеньким германским мотором с поднимающейся крышей. Скачка разжигала удаль, наверное, ту самую, о которой говорилось в сказках – молодецкую.

Дед до сего дня нес вдольские обязанности Левецких на себе. Однако приближалось тридцатилетие Ивана, и старшее поколение деликатно, но настойчиво напомнило ему о княжеском долге.

А уж Любушка собственное свое любопытство, раньше сдерживаемое ввиду воспитания, все на волю выпустила. Только и слышно было в городском доме Левецких перед отъездом, что надлежит Ванечке непременно взять с собой сестренку: за прислугой присматривать, домом ведать, а то пропадет Иван в сельском имении, непременно пропадет на сухих харчах и без уюту.

Иван был не против. Наоборот, его цели совпадали с дедовскими. Совпало все: и в родные места вдруг потянуло – не иначе как в тридцать лет и вправду какие резервы в организме княжеском открыло, и долг семейный – от него не убежишь, нагонит. И кое-что по делам личным выяснить полагалось.

Любушке он обещал, что как устроится, так и вызовет ее к себе. Сельский воздух пойдет ей на пользу, вон она какая бледненькая да вялая. В Петербурге из всего жалкого света, что земли достигает, людям почти ничего не достается – все впитывает серый влажный камень. Доктор велел солнечные ванны принимать на морях, а когда дед еще туда выберется, к морю-то?

Вот только в качестве хранителя Равновесия Приречных земель, посредника между Вдольем и Поперечьем, княжич представлял себя с трудом.

Дед говорил, что кровь сама откликнется, подскажет, сетовал, что дела государственные не дают ему регулярно посещать поместье. Он бывал в «Удолье» четыре раза в год, сам с Поперечьем не общался в силу далеко не молодых лет. Зато привечал местных ведунов и ведуний, осуществлял, выражаясь модным словом, удаленный контроль.

Ивану же захотелось самому прикоснуться к семейной легенде, почувствовать древнюю связь с лесным народом, коему он приходился дальним-предальним родичем.

Он усадил за стол камердинера Игната, парня из местных, чья бабка как раз и была местной ведуньей, заставил парня нанести на карту основные места обитания водяных, русалок и леших. Пора было объехать лесное царство... свое царство.

... Вот показалась река Велеша. Застучал под копытами каменный мост. Иван спешился, привязал коня и спустился к воде.

Лег на живот, приготовился ждать, кусая травинку. И ждал-то недолго и почти без страха. Он все-таки вдольский князь, ему бояться не пристало.

Мелькнула в глубине омута золотистая тень, ударил о воду изумрудный рыбий хвост, окатив Иванами брызгами, рассыпался над Велешей-рекой звонкий девичий смех...

И сердце Ивана все-таки сбилось с ровного ритма, забилося чаще...

... Водяница высунулась из воды, поведя обнаженными плечами, подплыла ближе, Пухлые ручки она сложила на выбеленных водой корнях ивы, румяную щечку подперла ладошкой, лукаво разглядывая гостя.

Длинные косы струились по воде. Река расплетала их, пока не расплела, и русые пряди зажили своей жизнью, играя в зеленоватых потоках.

Иван старался не пялиться на сдобные стати русалки, кои она нарочно выставила из воды напоказ. *«Хитры, свирепы, опасны, – говорилось о водяницах в старом трактате-наречении. – До мужского полу охочи, однако бойся лукавых русалочьих чар, вдольский витязь, ибо расплата за грех – смерть твоя».*

Левецкий задумчиво догрызал травинку. Не ему начинать разговор. Русалка знает, что провинилась. Пусть она и начинает.

– Не иначе как вдольский князь к нам пожаловал, – пропела водяница, наклонив голову к пухлому плечу. – Красив, молод, статен... Глаза, как вода в омуте, бездонны... зелены. Искупайся со мной, княжич. Лету конец, когда еще доведется наныряться, наплаваться. Придет стужа, скует льдом водные просторы.

«Скуп умом и несдержан чреслами тот добрый молодец, что влюбится в русалку, но еще хуже, если утопленница сама сделается им одержима со всей своей блудливой страстью».

Иван усмехнулся, выплюнул травинку и спросил:

– Ты ли Аксаша?

Русалка сложила губы бантиком:

– Была Аксашей, пока не утопла. Давно это было. Можешь звать меня, как душе пожелается. Мне все равно.

– Да неужто так и все? – Левецкий покачал головой, уселся поудобнее, скрестив ноги. – Не ты ли, Аксашенька, третьего дня коляску с помещиком Лопушкиным на мосту перевернула? Взвизгнула, крикнула, взвыла по-волчьи... что вы там еще делаете, чтоб коней напугать? Родион Дементыч чуть в воду не вывалился, в самый омут. Хорошо, не пострадал особо, шишку набил. Тебя наказать требует.

– А, вот за чем ты явился, – русалка погрустнела, вздохнула. – А я думала, в гости.

– Ага, и поплавать тут с тобой... на самое дно. Ты такое с Лопушкиным сотворить хотела? Душу выпить, тело под корягу пристроить, чтоб не всплыло?

С реки вдруг потянуло холодом, русалка исказилась лицом и отпрянула от берега. Ударил хвостом, с головой окатив Ивана ледяной водой. Красота ее внезапно куда-то сгинула: на голом черепе повисли остатки волос, гнилая плоть обнажила зубы.

Креститься при тварях поперечных Кодексом Равновесия было не рекомендовано, *«дабы не потерять доверия оных»*, и Иван быстро сотворил вдольский оберег – накрыл себя ладонью вдоль тела и над макушкой, будто радугой.

Сделал он это совершенно машинально. Может и прав был дед, говоря, что посредничество у Левецких в крови.

– А пусть бы и свалился твой Родион Дементыч, – прошипела Аксаша. – Но я б его не сразу души лишила. Сначала напомнила бы, как он меня в мою брачную ночь насильничал, как жениха моего розгами до смерти забили... Побывал бы в моей шкуре, утопленником. Костей не сыскать, вечной муки не миновать!

– Дура! – с досадой крикнул Иван, вскочив и отряхиваясь. – Тот Родион Дементыч почи-тай век назад помер. Этот Родион Дементыч – потомок его, правнук! Вечно вы, нечисть, во временах теряетесь! Явь с Навью путаете!

Русалка смотрела на князя недоверчиво, насупившись, волнуя воду хвостом. К ней постепенно возвращался приятный глазу вид, однако и тот, мертвый, запечатлелся у Ивана в памяти.

– Где кости твои лежат? – осведомился он, вытирая лицо от брызг подолом, что было бесполезно, потому как дорогая, голландского сукна рубашка сама спереди основательно промокла. И легкий, английского покроя пиджак тоже пропитался водой. – Тьфу, нечистая сила, облила всего, хоть выжимай!

– А ты меня не накажешь, княжич? – Аксаша глядела исподлобья, хмуро. – Не накажешь ведь. Старый вдольский князь пока Приречьем правит, не ты.

– Не я, – согласился Иван, перебравшись на место посуше, под солнце. – Но если еще раз подобный фокус повторишь, попрошу у деда полномочия и казнь тебя по законам Равновесия. Если бы Лопушкин погиб, не дай Творец, уже казнил бы.

– Развоплотишь? – ахнула русалка. – Рука не поднимется!

– Отчего же не поднимется? Ты разве знаешь меня? – Левецкий говорил спокойно, серьезно. И вправду развоплотил бы, дай старший Левецкий такой приказ. Таково наказание за нарушение Договора. – Я не дед – церемонии не по мне. Имею право как представитель правящего вдольского князя. Отстанешь от Лопушкина, извинишься, – забуду провинность. Покажешь, где кости твои – похороню их по святому закону. Все для вас, мадам.

– За церковной оградой закопаешь, – обиженно скривилась Аксаша. – Как утопленницу. В чем мне от этого прок?

– Дура, – повторил Иван, чувствуя, как холодит мокрую спину осенний ветерок. Пиджак он снял, но это мало помогло. Не хватало еще простудиться, когда столько дел впереди. – Прошли те времена, когда утопленников за оградой хоронили. Нынче в России семь государственных религий, какая не подходит – выбирай другую. Упокоишься. Прощения, разумеется, у Творца испросишь, за самовольно отнятую у себя жизнь.

Истинная нечисть вечно плакалась, что в Поперечном царстве ей тяжело, однако в Навь посмертную и Творца чертоги не стремилось, пусть даже с перспективой родиться вновь человеком.

– Подумаю, – проворчала Аксаша, надменно скрестив руки. – А ты, княжич, почаще оглядывайся.

– Угрожаешь? – изумился Иван.

– Услугу оказываю – предупреждаю, – русалка покачала головой. И вправду, угрозы в ее голосе не было. – С нечистью местной воевать ты готов, вижу. А ты сразись с тем злом, что в яблонево́м доме след оставило.

– С каким еще злом? В каком-таким доме?

Иван почему-то обернулся, будто зло уже стояло за его спиной, а когда посмотрел на реку, водяницы и след простыл.

В залитом солнцем особняке все ночные страхи казались нереальными. Трудно было поверить, что в полном теплого света доме завелись нечто недоброе.

Самое время было осмотреть хозяйственный двор. Рачительная Маша с грустью обошла его, находя свидетельства о былом процветании имения.

Вот летняя кухня, в которой так и висят на стене покрытые паутиной рушники с мордовской вышивкой, а на столах стопками – доски для вареных пирожков, иначе вареников, со всякой, иногда весьма неожиданной начинкой.

Вон курятники со свинарниками. И коровник, чтобы хозяевам с утра подавались к завтраку парное молоко, сливочки, сметана и свежее желтое масло. И вот уж все пустое стоит, со следами обитания мелкой нечисти. Да и та по привычке, видно, доживает. Что делать тут мелкому паразиту удойнику, коли коровы нет?

Маша поднялась на пригорок и глянула вдаль. Владения ее предков когда-то простирались вокруг на шестьсот десятин. Как рассказывал в поезде поверенный Федор Терентьевич, земли после Реформы продано было мало, прадед Маши Александр Евгеньевич пояс затянул, да в трудные времена не соблазнился быстрыми деньгами – владения сохранил. Даже сейчас по закону земля под деревней Осиновкой принадлежала Осининым.

Но то уж было не избяное крестьянское село, а целый поселок с невеликими, но каменными домами. Былые крестьяне расстроились и взяли в аренду всю землю, до которой смогли

дотянуться. И по сей день платили они Осининым условные двадцать рублей в год за участки, на которых стояли их дома.

В остальном дохода земли приносили мало. Лес, до которого Маша не поленилась прогуляться, был ценен в основном благодаря соснам и ивняку, из которого плелись корзины.

И, конечно, если бы не пай в железорудном производстве, не было бы никого Осининского богатства. И Фонда, за счет которого Маша теперь приехала и проживала в усадьбе.

... Слов кикиморы Марья Петровна не забыла. Мысль о зимнем зле тихонько ворочалась среди других, повседневных мыслей, – созревала, формировалась.

Все знали, что в поперечном мире имеется нечисть пострашнее лесных существ.

Отступники.

Вдольские маги, перешедшие на сторону Зла, сохранившие Силу, измененную, темную.

За дары от Тьмы – долголетие, магию, оборотничество, способность управлять людьми – они расплачивались разными способами. Некоторые отвергались солнцем, потому властвовали в ночи, попивая человеческую кровь. Другие сосали силу, люди рядом с ними чахли и болели.

Не то чтобы Маша не верила в высшую нечисть людского происхождения, но связь старика Осинина с аристократом Тьмы казалась ей чем-то запредельным. С другой стороны, почему кикиморы так боялись неизвестную злую личность, выпившую природную силу из пруда?

... Прогулявшись и взбодрившись, Маша отправилась на кухню пить чай. По дороге, пританцовывая от льющей по телу энергии, передумала на кофе, который любила меньше, но ценила за аромат и даримую им бодрость.

Маша отметила, что кофе из подарка Опренского куда лучше того, что купил для нее в Родовейске Аким Фалантьевич.

По привычке посчитала, во сколько обойдется дорогой африканский напиток, если пить его хотя бы через день. Загрустила было, но потом вспомнила вдруг, что на две недели отпуска положены ей деньги на проживание, для нее, привыкшей к скромности, немалые.

Настроение поднялось. А тут еще в окна кухни донесся со стороны парка странный звук, непривычный среди деревенской тишины и утреннего покоя. Маша выскочила из дома и пошла по аллее.

Со стороны реки к «Осинкам» подъезжал ошеломительной красоты желтый открытый мотор, новехонький, блестящий, с кожаным салоном и тупым носом. Сидящая за высоким рулем девушка умело дергала рычагами. Она остановилась у ворот и задорно крикнула Маше:

– Марья Петровна? Простите за неожиданный и ранний визит! Мы в деревне встаем рано! Да и вы, я вижу, уже в полной бодрости! Я Лиза Абрамцева, ваша соседка! Приехала познакомиться!

Маша несказанно обрадовалась визиту. Елизавета Тимофеевна отговорила заботами и от кофе отказалась, зато пригласила Машу к себе на вечерние посиделки, пообещав приятное общество и пироги с яблоками.

Глядя вслед удаляющемуся мотору, Марья Петровна вздохнула, надо признаться, немного завистливо.

По ее мнению, Лизонька Абрамцева как раз и представляла идеал новой аристократии.

Тоненькая, с узким фарфоровым личиком, большими выразительными глазами. Светлые волосы Лизы острижены в моду – коротко над плечами, и это, наверное, невероятно удобно.

Воздушное платье из каких-то невероятных полупрозрачных слоев оттенка палевой розы подчеркивает гибкий силуэт. И шляпка, именно такая, как в последнем каталоге мод, чуть не разбила Маше сердце.

Зайдя в дом, она бросила взгляд в зеркало. Смугла, широка лицом, рот большой, глаза по-лисы к вискам вытянуты – чудо поперечное, как говорил отец.

И само собой знатность отцовскую не унаследовала – без разрешения главы рода, тогда здравствующего Романа Осинина, никто бы не внес Машу в дворянский реестр. Папенька даже просить не стал, знал, что отец откажет, и записал дочь в мещане.

А ведь внешностью Маша пошла в папеньку, лишь подбородок был мамин – волевой, чуть треугольником.

Переживала Марья Петровна недолго. Некогда стало переживать. Явился Аким Фалантьевич, крепкий, скупой на слова мужчина, одетый скромно, почти по-деревенски, в льняную рубаху, порты и сапоги, но хорошего качества, с вышивкой в местном защитном колорите.

Выслушав Машу, управляющий крикнул, снял фуражку и пошел в кухню. Почесывая в затылке, он долго смотрел на электрические провода и заморский агрегат. Потом сообщил, что электрическая машина в доме есть, работает на автомобильном бензине. Топливо раздобыть можно, но для починки необходимо вызвать специалиста.

Покойный дед Роман Александрович шибко интересовался техническим прогрессом. Еще, говорят, нечистая сила электричество зело не любит, вот Осинин и пользовался этим для покою от лесного народа (раз уж истреблять его закон нынче запрещает): включал по ночам лампы вокруг дома, тархтел агрегатами.

Марью Петровну ночью нечисть не побеспокоила, нет? А то ведь известно, как поперечные гостей привечают. Маша ответила, что спала просто прекрасно. От расспросов она воздержалась. Все вопросы она задаст тетушке, это Осининых дела, частные.

Аким Фалантьевич осмотрел дом, проверил крышу, пообещал прислать садовника и ушел.

Маша наконец-то улучила минутку, чтобы сходить к пруду. Проходя через сад, она поняла, о чем накануне говорила тетя: яблоки не созрели, а портились прямо на ветке.

Что-то губило урожай.

Встревоженная Маша решила поговорить с садовником, поспрашивать у соседей. Может, в «Осинках» она и не останется, но сад жалко. И еще маменьке письмо написать, нехорошо, когда тайком-то.

Пруд был неподвижным и... темным. На глубине в пол человеческого роста тянулись к поверхности широкие багровые листья, берег зарос жабьим ситником. Маша припомнила, что ночью не слышала кваканья лягушек. От пруда тянуло Тьмой и тяжестью – словно был он наполнен не водой, а жидким ядом.

– И что же я сделаю? – пробормотала она. – Тут водяной нужен. Если старый стигнул, требуется новый.

Она вернулась в дом и от корки до корки просмотрела справочник по поперечной флоре и фауне. Пусть выпущена книга была давно и нечисть в ней еще числилась неразумным зверем, но фактов и полезных примечаний имелось куда больше, чем в современных изданиях. Поэтому Маша справочник прихватила с собой, тем более, что был он одной из немногих вещей, оставшихся от отца.

Маша еще раз спустилась к пруду и окончательно признала: его спасет только новый водяной. Он посадит в центр водоема веточку особого роголистника. Вода начнет очищаться, вернуться в нее полезные микроорганизмы, о которых нынче много пишут в научных журналах, и насекомые. Птицы принесут семена водных растений. После и рыбу запустить можно будет. Иначе никак.

Ждать Марья Петровна не любила. Нужно было найти водяного и – самое сложное – уговорить его переехать в пруд. Небось, в свою очередь, какую услугу потребует, но делать нечего, назвался груздем, полезай в кузовок.

И только Маша начала собираться в лес, у ворот показалась двуколка Маргариты Романовны.

Глава 5

Маша с улыбкой пошла навстречу тетушке. Та сидела в коляске, не двигаясь и сжав вожжи в бледных пальцах. Маргарита Романовна внимательно вглядывалась в лицо племянницы, рядом с ней нетерпеливо ерзала на сиденье круглолицая девушка, одетая по городской моде, но весьма скромно.

– Марфуша, – велела ей тетя, не отрывая взгляда от Маши, – иди в дом, займись делами.

– А можно уже? – громким наивным шепотом поинтересовалась горничная.

– Сдается мне, что можно, – кивнула Осинина.

Она сама довольно ловко выпрыгнула из двуколки вслед за Марфушей. На лице тети Маша прочитала плохо скрываемое волнение.

– Хотите мне что-то сказать? – вызывающе проговорила Мария.

Маргарита Романовна наклонила голову и глухо спросила:

– Были гости ночные?

– Именно. О которых меня никто не предупредил.

– Дом давно стоит... – тетя не поднимала глаз. – Лес рядом... беспокойный.

– Я заметила, – Маша тряхнула головой. – Сама могла бы догадаться. И догадалась. Я долго жила в городе, многое из повадок нечисти подзабыла. О местных обычаях вовсе не знала. Я преподаю поперечные языки, а не собираю сказки и присказки Помежской губернии. Вы должны были меня предупредить.

– И ты...? – Маргарита Романовна замолчала.

– Как видите, жива и здорова. Вы думали, я испугаюсь? А если бы действительно испугалась?

– Нет, если ты Петруши дочь, – тетя серьезно кивнула.

– А чья же еще?

– Ты не понимаешь. Что это было? Кто приходил?

– Кикиморы. Мы поболтали, – Марья Петровна усмехнулась. – Договорились. Мне велено привести пруд в порядок, за это гости обещали рассказать сказку... поинтереснее, чем ваши.

Маргарита Романовна внезапно покачнулась, и Маша испуганно подхватила тетушку под локоть.

– Вам нехорошо?

Тетя помотала головой. И вдруг с силой и слезами в глазах обняла племянницу, сбивчиво прошептав:

– Нашли. Наша. Значит, наша ты, Осининская. Не прервался Петруши род, продолжился.

... Позже они сидели на веранде, угощаясь кофе и свежим пирогом.

– Так то проверка была? – Маша укоризненно покачала головой. Но злиться на тетю почему-то не получалось. У той была своя правда.

Тетя со звоном поставила чашку на блюдце, придирчиво оглянувшись на садовника. Тот усердно трудился неподалеку, стараясь угодить хозяевам и получить прежнюю работу при саде. Первый, кто попросился в старый дом работать. А что? Раз особняк наследницу принял, и остальных людей не обидит. Садовник рубил засохшие яблоневые ветви, обрезал кусты, открывая вид на въездную аллею «Осинок».

– Ты пойми, – со вздохом тихо призналась Маргарита Романовна. – Федор Терентьич, поверенный в наших делах, в поисках наследницы на каких только мошенниц не натыкался. Мы ведь объявление давали, в газету. Просили откликнуться Марью Петровну Осинину, дочь Петра Романовича из «Тонких осинок». Откуда только те девки про наследство узнавали, ума

не приложу. Видно, тоже из газет. Отписывались, клялись, что сироты, отца не помнят. Одна до Родовойска добралась, а на пароме у причала самого ее водяной в воду чуть не утянул, еле откачали. Вторая в доме до заката дотерпела, больше не выдержала. Третья... не буду вспоминать даже. Четвертая просто воровкой оказалась. Пятая... А потом Федор Терентьич в клубе на Дарьевской в Великом оказался, там познакомился с графом Опренским. Тот возьми да помяни тебя в беседе, мол, знает одну барышню, тоже Осокину, Марью Петровну. Очень хвалил. Я как про твое ремесло услышала, сразу поняла – та самая Маша. Да и факты сошлись.

– Получается, граф и тут мне фавор сотворил, – задумчиво произнесла Мария.

– Два года тебя искали, а потом еще четыре месяца. Однако затем поперечные силы должны были тебя принять, одобрить. Иначе жить все равно не дали бы. Тут ведь такое дело... – тетя замялась.

– Да говорите уже, рассказывайте.

– Отец твой, брат мой Петруша, с молодых лет жил с Поперечьем душа в душу. Мог в лесу целый день провести, являлся сытый, накормленный, довольный, гостинцы приносил: то дичь, то грибы с ягодами. Сам как-то изучил словеса, начал с нечистью изъясняться. Князь Левецкий его помощь в переговорах весьма ценил, говорил, избранный он, Петенька, прирощенный переговорщик. Мол, кровь заговорила, хотя мы, Осинины, очень дальняя ветвь вдовских князей Добрыниных. Но отец... – тетя как-то померкла лицом, словно на скулы, высокие, как у Маши, легли темные тени, – для него все Петрушины достижения были костью в горле. Не таким видел он своего единственного наследника. Они и прежде ссорились, но как Петр в возраст вошел, понятно стало: ни тот, ни другой не уступят, и в доме одним им находиться невозможно. А когда уж брат жениться на незнатной надумал...

Осинина замолчала, словно видела за пределами Машиного зрения. Слышно стало, как Марфуша гремит ведрами и что-то напевает. Запевку, догадалась Маша, от змей.

– Петруша уехал, отец лишил его наследства, – продолжила Маргарита Романовна. – А он не унывал, в университет поступил на стипендию, работал, пока учился – карты составлять помогал.

– И стал этнографом, – закончила Маша. – Дочь свою первым словесам научил, только мало успел...

В горле у нее першило, и слезы стояли в глазах, готовые пролиться. Но не пролились, Маша их еще в детстве выплакала.

– Примешь наследство? – Маргарита Романовна потянулась к ней через стол, взяла за руку и крепко ее сжала. – Ради отца. Не могу смотреть, как «Осинки» чахнут.

– Роман Александрович, батюшка ваш, – Маша прокашлялась, с неловкостью забрав руку из тетушкиного ласкового захвата, – заключил какой-то договор с нечистой силой. И не обычной, а той, которую местное Поперечье страшится. Это мне кикиморы сказали, а нечисть врать не умеет.

– Я не знаю, – Маргарита Романовна растерянно развела руками. – Он мне не рассказывал. Могу лишь сказать, что после изгнания Пети из рода Поперечье как с цепи сорвалось. Мстило за избранного. Что только нечисть ни творила, как только ни изгалялась. Отец одним только электричеством спасался. А потом... был один день, когда все как-то изменилось, перед самой смертью папеньки. Матушка была смертельно напугана, я же видела, но на все расспросы отмалчивалась. Сказала только, ей снился вещий сон, и попросила меня потихоньку начать поиски Петиной семьи. Когда отец умер, она составила завещание. А позже и с ней случился удар, и она слегла. Почти не говорила, бормотала только. Мол, клятву нужно выполнить, но страшного в том нет. Найдется защитник, спасет род Осининых.

– Непонятно, – протянула Маша.

... Тетушка уехала, тепло попрощавшись, и Маша вышла на пригорок за домом.

Лес колыхался рядом – руку протяни. Спуститься к лугу, обойти разнотравье по колее... а ведь можно и наискось, по траве, зеленой и сочной, несмотря на недавний августовский зной.

Подходящие туфельки Маша с собой тоже прихватила – мягкие и еще крепкие, хоть и старенькие. В таких сам бог велел отправиться на поиски приключений... а, может, и не бог вовсе, а тот самый склад характера неуемный, о котором предупреждала маменька.

Лето в Приречье задержалось, застоялось, как будто ждало знака, и только прохладными вечерами понятно, что скоро осень.

Маша прихватила туюсок – набрать ежевики, если попадется, а еще корзинку со вчерашним печеньем, и сама не заметила, как оказалась на каменному мосту через Велешу.

Река текла плавно, образуя неспешные водовороты вокруг островков тины, опавшей листвы и веток. Маша с любопытством перегнулась через каменные перила.

Тетушка в конце визита предупредила, что в реке шалют русалки. Третьего дня напугали лошадей помещика Лопушкина. О таких инцидентах обычно предупреждают вдольского князя или его помощников. Могут и ведуна попросить разобраться. Интересно, как оно, общение с Поперечьем, тут, в Приречье, налажено?

Со вдольскими князьями Маша как-то сталкивалась. Давно еще, в детстве. У соседей пропал в лесу ребенок, ушел за грибами и не вернулся. Сначала искали сами, затем ведунью позвали. Потом от отчаянья поклонились в ноги князю с помощниками. Князь, уже пожилой человек, ушедший на покой, смилоствился и выловил в чаще мелкую нечисть. Допросил ее, а девятилетняя Маша помогала переводить словеса, чем была очень горда.

Мальчика нашли, его лесовики заморочили за то, что рвал грибы на запретной поляне берегинь. Так вот князь прошел через плотные чары и не заметил, а поисковики во главе с ведуньей, искавшие ребенка по всему лесу, часами ходили между трех сосен.

Русалки знакомиться с незнакомкой не спешили, осторожничали, хотя Мария видела темные тени в воде и слышала тихое пение от склонившейся к самой воде ивы.

Маша тоже заперла на замок свое любопытство. Это ведь водяницы, разумная нежить, хитрая и частенько на род людской озлобившаяся.

Интерес к Поперечью в обществе в последние годы раздулся до каких-то невероятных размеров. Даже отрешившийся от престола император отказался от традиционной медицины и держал при себе ведуна, тот лечил его младшего сына.

Нынешний государь, вдольского рода, ратовал за Равновесие, за разумное невмешательство и Кодекс. Однако это не мешало экзальтированному, охочему до чудес люду проявлять болезненное, а порой и опасное любопытство.

С легкой руки скучающей публики появился новый вид досуга – «заповедный туризм». Развлечение сие было не для бедных. Веселье сопровождалось многочисленными поездками по поперечным местам, охотой и частенько безудержным пьянством.

В Россию рвались изнывающие по «сакральному русскому диву» молодые и знатные отпрыски родовитых европейских семей. Чудес Древнего Египта с недавно открытой археологами гробницей Царей Царей стало им маловато.

Свою, родную нежить, фэйри, шелки, брауни, кельпи и прочих представителей лесного народа, заморский люд давно изучил, приручил, а некоторых и истребил подчистую, если приводить в пример обе Америки с их эндемичным поперечьем на заре освоения. Дошла очередь до русских лесов. Сохранить бы наследие былых времен, уже ставшее местами мифом.

Об этом всем Маша мысленно рассуждала, шагая по широкой лесной тропе. Малые лесовушки порхнули с поляны, где она присела передохнуть, но после вернулись из любопытства и понимания, что к ним явился не простой человек, а *ведающий словеса*. Они рассказали Маше о живущих в излучине притока Помежи водяных, получили по печенью и ускакали в густую траву.

Если верить лесовушкам (лесная нечисть порой хитрила, морочила и словесами играла, не ради самого обмана, а чтобы защититься от внимания человека, которое обычно ей ничего хорошего не несло), в излучине жили два брата водяных. Оба были молоды, по тридцать-сорок годков всего, но уже зародились меж ними территориальные споры. Авось и согласится кто из них переехать.

Водяные и водянушки, вопреки ненаучным народным мифам, не топили мальчишек и девчонок, чтобы сделать из них преемников, но рождались у истинных водяниц, не утопленниц, в стаю русалочью принятых, а у потомков наяд, от их союза с человеком.

Случалось такое нечасто, все же не столь охочи были до мужского пола истинные водные, разумные девы-полудухи.

В стародавние времена вдольским князьям и княгиням не грех было заключить брачный союз с благородными потомками Великого Водного Царя. Многие старинные русские рода имели в предках водное племя и тем гордились.

Наяды выбирали тщательно и, в отличие от русалок, вреда избранникам никогда не наносили, лишь иногда слегка заморачивали, чтобы не вспомнил парень потом о короткой страстной интрижке с дочерью Поперечья, себе же во благо. Вдольские князья смотрели на подобные нарушения сквозь пальцы, дабы не оскудевали реки и озера водным людом.

Получеловек-полунаяда от такого союза становился защитником над окрестными водами. Часто и водянушки, женского полу поперечницы, ставились главными над водным и болотным сообществом. Однако тесноты, подчиненности и полувласти водяные не терпели, и если где случалось поселиться нескольким Хозяевам вод, то происходили там ссоры и дразги. Чаще всего улаживались они вмешательством вдольских князей путем расселения спорщиков.

Вот и сейчас Маша подозревала, что без помощи Левецких не справится. Тем более, что собиралась она звать водяного не в чистые воды, а в мертвый пруд. На одно лишь надеялась: жить при старинных семьях почиталось у поперечных большой честью.

Маша нашла излучину Помежи на карте и вздохнула. Недалеко, всего-то час ходьбы. Но час туда, час назад – уже два часа.

Если бы не чаепитие, на которое пригласила ее Лиза Абрамцева, Маша уже сегодня поговорила бы с водяными. Но следовало вернуться, отдохнуть, привести себя в порядок и нанести визит вежливости. А еще подумать обо всем, что рассказала тетя об отце и деде.

... Солнце припекало совсем по-летнему. Маша вышла из леса, подумала, сняла туфельки и шагнула на разбитую телегами колею. В середине колеи проросла колючка, а сбоку по травке идти было мягко.

Маша радовалась летнему сарафану, который надела на простую рубашку – мамин подарок с прошлогодней ярмарки. Все собиралась украсить ее обережной вышивкой, да руки не дошли. Ничего, Маша сама себе оберег.

Говорят, в Петербургских салонах нынче стало модным старое русское платье. И на бал Рождественский, слухи ходят, приглашенным велено следовать традициям в нарядах.

Маша оглядела себя и хмыкнула: вот хоть сейчас на бал. Засмеялась, побежала по дороге изо всех сил, как в детстве, чтобы воздух в ушах свистел.

В глупости и наивности своей она с досадой убедилась через пару минут. Можно защититься от нечисти древними словесами, а от главного хищника всех лесов, человека, уберечься сложнее. Встречу с чужим Мария как раз и не предусмотрела.

Глава 6

С другой тропы из леса на колею скакнул конь с всадником, да так, что пришлось отпрыгнуть, чтобы не попасть под копыта.

Конь плохо слушался наездника – проскакал вперед и только потом остановился, да и то вертелся, недовольно хрипя.

Маша тоже топталась на травке, не зная, как поступить, напряженно вглядываясь в незнакомца. Тот успокаивающе прищелкивал языком – так местные «разговаривали» с лошадьми. И конь успокаивался, кося глазами.

По виду то был сельский житель, парень... скорей уж молодой мужчина лет двадцати семи-деяти. Одет он был в простую рубаху небеленого полотна и такие же порты, застиранные до дыр и бахромы. С седла свисала неопрятная, грязная и мокрая холщевая сумка, из которой на землю капало. Светлые волосы парня торчали нечесаными прядями, как после купания.

Чертами лица он был странен: вроде не улыбался, а, казалось, всюю смеялся. Лицо его было удлиненным, не худощавым и не округлым, с правильными чертами, но со шрамом с щеки на подбородок. На Марию Петровну уставился он с улыбкой, голову даже склонил, глядя с прищуром.

– Эй, встречная-поперечная! – весело крикнул всадник, окончательно смутив Машу. – Лесная, приречная. Коли нечисть, убоись. Коли дева, окрестись.

Маша фыркнула. Ну мужик, ну общительный не в меру – скакал бы своей дорогой, поклонившись незнакомой барышне – так что с селянина взять? Не тать, вроде, не разбойник.

Вот только зачем обращаться к Маше старинной присказкой, которой красных девиц проверяли на причастность к нечистой силе? Моветон, однако.

После такого обращения девушке полагалось осенить себя крестом. И впрямь перекреститься, что ли, чтоб отстал? Да неловко как-то подыгрывать невеже. Разве похожа Маша на нечисть, накинувшую на себя человечесий морок?

Мария решительно двинулась вперед. Подойдя ближе, слегка раздраженно бросила:

– Очень смешно. Хватит. Посмеялся – и довольно. Ступай себе. Дай пройти.

Вблизи Маша лучше рассмотрела незнакомца и поняла, отчего чудилось, что он все время улыбается. Смешливыми были его глаза, зеленые, как вода в тихой реке летом. Строго поглядев на парня снизу вверх, Мария чуть не засмотрелась – таким живым казалось лицо всадника.

Услышав ее, он раскрыл рот, словно изумился: поползли на лоб брови, изо рта вырвался неясный звук. Парень вдруг осмотрел себя, даже похлопал по вороту рубахи, пытаясь стряхнуть прилипшие к нему сосновые иголки. Лицо его разгладилось, глаза снова засмеялись.

Небось, прохлаждался в лесу под сосной, подумала Маша, на мягком хвойном ложе, отлынивая от сельской работы. До Покровов мужик денно и ночью в поле, чтобы собрать урожай и скотину кормом обеспечить, а этот... И конь... ладный не для простого батрака, так может, по поручению хозяйскому в лес наведаться? Ну тогда хорошо.

Маша дернула плечом и двинулась дальше, сдерживаясь, чтобы не начать опять рассматривать селянина.

– Так я... эта... обидеть не хотел... барышня! – крикнул ей вслед парень, и в его речи мелькнул местный акцент. – Извините.

Странно, чуткому Машиному уху почудилось, что встречной-поперечной назвал он ее без всякого просторечного говорка.

Застучали копыта, и конь поравнялся с Машей. Селянин придерживал его, заставляя аккуратно ступать по краю колеи.

– Я эта... – повторил он, – проверял, как положено. Навдак(*) позвал. Мало ли. Вона и конь мой напужался.

(*– на всякий случай)

– Не меня, – буркнула Мария. – Я не мавка, как видишь.

– Не вас, правда ваша, – признал парень. – Теперь-то вижу. Русалки слово тайное у реки наварганили, и я заплутал, и Булат испугался. Одно слово – навьи. А вы, барышня, за каким делом по лесам бродите? Не боитесь, что... – незнакомец как-то сдавленно хмыкнул, – съядять?

– Не боюсь, – ответила Маша. И не сдержав любопытства, таки спросила: – А какое слово?

– Досадное, – охотно поведал парень, сверкнув глазами. Ишь, веселится, будто радуется чему-то. Но на Машу смотрит серьезно, без лукавства и какого-то видимого заигрывания – не хватало еще! – Сказать вслух не посмею, сами понимаете.

– Понимаю. А написать? Ты грамотный?

– Обижаете, барышня. Я вдольского князя Ивана Леонидовича слуга, почти камердинер.

– Камердинер, – недоверчиво фыркнула Маша.

– Вот и зря не верите. Я за его сиятельства местные... эти... калборации, между прочим, в отчете. С местными ведунами дела веду, потому как сам из этих мест. Зовут меня Игнат. Можете спросить в «Удолье». Там меня все знают. Князь как возвратились, сразу велели: «А позовите-ка ко мне Игната, только ему дела поперечные доверю».

Маша даже рассмеялась, и Игнат с ней. А в доказательство парень спешил, поднял ветку и в дорожной пыли начертал слово. По-русски, но с поперечным символом «брь», «причеркой», означавшей присутствие лесной магии.

– Я такого слова не знаю, – призналась Маша. – Впервые слышу... то есть вижу.

– Так словеса – местные, а вы, видно, нет, – заметил присевший над дорогой Игнат, серьезно глянув снизу на Машу своими зелеными глазами, отчего у той застучало вдруг сердце. – В гостях, должно.

– Можно и так сказать, – уклончиво ответила Мария. Подумав, все же добавила: – В «Тонких Осинках».

– Ага, слышал.

– Марья Петровна Осинина, племянница Маргариты Романовны Дольской-Осининой. И что же слово сие означает?

– Страх по-нашему... предупреждение, но... – княжеский камердинер почесал веткой в затылке, – это ж не перевести, не передать, это... чувствовать надобно. Ужас, что жилы стынют.

Маша кивнула, соглашаясь: она сама эффект от слова, пусть не вслух произнесенного, но в пыли начертанного, испытала. Стало холодно, и словно кто-то рукой ледяной затылка коснулся.

– И чего бы ему прозвучать?

– Кто знает? – Игнат задумчиво поглядел вдаль. – Нечисто тут что-то... тревожно... Затеваается что-то. Князю скажу.

– А ты... вы, Игнат, много слов таких знаете, с причерками? – бодрясь, спросила Маша.

– Ну... – парень почесал в затылке. – У каждой нечисти тут свое словцо тайное имеется. А бабка моя – ведунья. Так сразу и не скажу. Много, должно.

Что дернуло Марию за язык, а что, она сама не поняла. Просто вырвалось вдруг:

– А ты сможете мне их записать? – и тут же немного испугалась, то ли своей просьбы, то ли кивка Игната. Добавила: – Если нужно, я лично попрошу Ивана Леонидовича об услуге. Чтoб отпустил вас на пару часов.

Игнат пожал плечами:

– Нечто то услуга? Я человек вольный, пущай и на окладе. Князь часто отлучается, то в лес, то в город. Долго ли словеса начертать в его отсутствие? Да хочь завтра.

Они вышли на пригорок, с которого уже виднелись «Осинки», и договорились о встрече в дубовой роще.

Примерно в середине пути между именьями Игнат отдаст записку и скоренько вернется в «Удолье». И приличия, вроде как, будут соблюдены. Маша же все это не ради глупостей затеяла, а в поисках знаний.

Домой Маша шла, предвкушая новую встречу. Это ж сколько новых слов впишет она в свою тетрадь с научными заметками, которая, к слову, почти закончилась – в пору подавать заявку на издание монографии! Отец бы ею гордился!

Это лучше, чем бродить по деревням и расспрашивать подозрительных местных. В таких местах стоит чужаку заговорить о Поперечье, и люди замыкаются, подозревая происки искателей кладов или охотников на нечисть. А Игнат... он настоящий кладезь. Если не врет, конечно.

... Идти на чаепитие не хотелось совсем, ведь «Осинки» таили столько интересного!

Маша предпочла бы заняться разбором хлама, что натащил под лестницу домовой, да и поговорить с «хозяином» не помешало бы.

Сам домовой дух пока прятался, только слышалось иногда тихое поскрипывание на лестнице. Он мог что-то видеть и слышать... нет, он наверняка что-то видел и слышал, однако, чтобы заслужить доверие столь важной нечисти, требовалось нечто посерьезнее печенья.

Из всей хозяйственной нечисти домовые допускали до себя пришлых людей в последнюю очередь. Сначала приглядывались, порой шалили – проверяли, как новый хозяин или хозяйка отнесется к шалости.

Проверки требовалось терпеть. Коли серчали хозяева и начинали почему зря проклинать нечистую силу за пропавшие кухонные прихватки или перемешанную крупу, домовик покапризнее мог и уйти, особенно, если в тот момент мимо дома проезжала чья-нибудь телега.

В былые времена дух прихватывал с собой все ключи от дверей и огниво. Сейчас все больше хозяйскую обувь и сито.

Маша ссориться с домовиками не собиралась. Срок придет, присмотрится хозяин к постоялице да и воплотится, предстанет видимым.

Она тянула время, вертясь перед зеркалом и наводя красоту, и вздыхала. Старые часы в большой гостиной пробили шесть пополудни.

– А коляску-то за вами пришлют? – высунувшись из кухни, поинтересовалась Марфуша.

Сама она оказалась местной, из Приречья родом, и вскоре, переодевшись в простой сарафан и вышитую рубашку, уже почти не отличалась от деревенской девки. Даже говорок к ней вернулся местный, прилипчивый, кстати. Даже Маша испугалась, что вскоре начнет «мягкать».

Потому нечисти Марфуша особо не боялась. При Маше она шугнула мелкую бадюлю, духа, заведшегося от пустоты в доме, да еще и припечатала нечисть серебряным амулетом по спинке, чтобы не возвращалась и не искушала людей бродяжничать и предаваться тоске по дороге.

– Хороша барышня, – довольно подытожила Марфуша, рассматривая хозяйку.

– Платье старое, – вздохнула Маша, проведя рукой по желтому шелковому маркизету.

– Да кто ж тут об этом знает, – фыркнула горничная. – Вы только эта... – Марфа замялась, – не знаю, говорить ли.

– Да говори уж, раз начала.

– С Абрамцевыми-то поосторожнее. Я когда у господина Бунского в Петербурге служила, наслышалась о них. Хозяин мой был врач, пользовал Абрамцевых. Елизавета Тимофеевна, прости господи, вертихвостка, все за богатыми господами охотится. Брат ейный, Сергей Тимофеевич, замечен в делах нехороших, против государя и за другую власть. А еще он дамский угодник, с богатыми дамами сожительствуют. Не говорите никому, что я вам сказала.

– Не скажу. Странно, я думала, Абрамцевы богаты.

– Все так думают, – Марфуша хитро повела глазами, – а я-то знаю, святой оберег соврать не даст, только язык за зубами держу. Лишь вам рассказала, потому как вы Маргариты Романовны племянница.

– Да я и не собираюсь с ними общаться. Не мой это круг, мне в нем неловко будет.

Марфуша удивилась:

– Так как же? Вы наследница, Осининых кровь. Чем жеж вам дворянский круг не угодил?

– Сложно все, – Маша тут же вспомнила, что так и не усадила себя за письмо маменьке, и сменила тему. – Маргарита Романовна упомянула, Абрамцевы у тетушки гостят.

– Гостят, гостят, да как бы не загостились, – пробурчала горничная.

– А про Левецких что знаешь? – Маша сделала вид, что поправляет старомодные рюши.

– Про вдовских князьев? Старшего князя тут давно видно не было, а вот младший недавно объявился. Сразу водяниц приструнил. Люди его зауважали. Игнат, Любавы-ведуньи сын, к нему в услужение пошел, секретарем вроде как. Теперь все ждут, заглянут ли молодой князь к Любаве на поклон или сами справятся.

– А Игнат... как человек он какой? – решила спросить Маша. И быстро добавила: – Возможно, мне тоже понадобится помощь Любавы-ведуньи. Хочется знать заранее, примут ли мою просьбу.

– А чего б не принять? – Марфуша пожала плечами. – Любава – баба хорошая. И Игнатка парень справный, воспитанный. Иного князь к себе бы не приблизили. Так что там с коляской? Не видать?

– Мы не договаривались, – смутилась Маша. – Я собиралась пешком. Погода хорошая, путь не далекий...

– По-над лесом? – хмуро напомнила Марфа.

– А что в том такого? Разве поперечные беспокоят?

– Не в Поперечье дело. Слухи разные ходят... – уклончиво объяснила служанка.

– А ты те слухи собери да мне Расскажи, – улыбнулась Мария.

Она отправилась в соседнее имение, все же надеясь, что в обратном пути ее сопроводят или довезут. Не чтобы бы было страшно бродить по ночным лугам и прилескам – просто не хотелось выглядеть храбрящейся девицей, гордо (или по наивному бесстрашию) стаптывающей городские туфельки на сельской дороге.

А еще мечталось прокатиться в желтом моторе Лизы Абрамцевой. Но это было совсем уж глупостью.

И как так случилось, что у племянников местной помещицы совсем не имелось денег? Многие семьи потеряли капиталы во время крестьянских бунтов десять лет назад. Абрамцевы тоже?

Марфуша могла и присочинить, добавив к образам сестры и брата черных мазков. Лиза, конечно, выглядит легкомысленно, однако что в городе – обычное поведение молодой хорошенькой барышни на выданье, в деревне – срамота.

Про брата ее непонятно. Может, и влез во что-то запрещенное, а теперь отсиживается у тети. Но с бомбами же по улицам не бегают.

В конце концов, Маргарита Романовна о них дурного слова не сказала. Вот и Маше с чужим мнением жить не по душе, лучше свое впечатление сложить.

И вообще, ее ждут в гости, а она все вспоминает встречу в лесу и гадает, придет ли Игнат в рошу.

Глава 7

При виде Маши Лизонька якобы страшно смутилась, мол, совсем не подумала, что у новой соседки с экипажами пока не налажено.

Но у Марии в душе шевельнулось скверное подозрение: а ну как ее нарочно заставили пройти пешком? Но что за интерес Абрамцевой позорить гостью? Никакого. Это все Марфуша – подпустила яду в Машину голову.

Подол платья запылится, оно и без того было немодным, хоть и почти неношеным, и при взгляде в зеркало в нижней зале Маша нашла, что выглядит скверно.

В гостиной расположилось довольно пестрое, на взгляд Марии, общество, и она была подробно представлена ему важничающей Лизой.

– Помещик Лопушкин с семьей, – полный лысоватый господин слегка оторвал зад от кресла, кивнул и плюхнулся обратно. – Екатерина Михайловна, его супруга. Мэри, их дочь.

– О! Да мы тезки! Я так рада обрести новую подругу! – тонким голосом пропела высокая нескладная девица, крепко обняв смущенную Машу.

Марии такая фамильярность при первом знакомстве показалось не совсем приличной, и она вынуждена была напомнить себе о различиях городского и сельского менталитетов. Екатерина Михайловна, полная одышливая дама, прогудела что-то приветственное.

– Фроляйн фон Линген, – продолжала Лиза. Маше улыбнулась пышущая здоровьем румяная молодая дама. – Как и вы, приехала к родственникам погостить, и, как и вас, мы будем настойчиво умолять ее задержаться.

– Амалия, – низким грудным голосом с сильным акцентом представилась германка. – Я плохо говорю по-русски. Трудный язык – русский, чтоб учить.

– О да, – согласилась Мария. – Очень вас понимаю.

Фроляйн фон Линген как-то сразу расположила Машу к себе – искренней, доброй улыбкой и спокойствием.

– Поручик Татарьин Николай Федорович, наш старый друг, – Лиза переместилась к креслу у столика с вином и закусками. В нем дремал усатый молодой человек в помятом мундире, с лицом болезненного оттенка, выдававшим в нем городского жителя и пристрастие к крепким напиткам. Абрамцева топнула ножкой: – Николя! Проснитесь, наконец! У нас гости!

Поручик приоткрыл один глаз, буркнул:

– Очарован.

И бессовестно погрузился в дрему.

– Невыносим, – зло пробормотала Лизонька, переходя к софе в самом темном углу гостиной. Там сидела худощавая бледная дама, прежде, как увиделось Маше, редкая красавица, но нынче увядшая, несмотря на нестарый еще возраст. – А это Ульяна Денисовна, Томилина. С дочкой Сашенькой. Саша, ты выпила чаю?

– Она выпила, – суетливо встрепенулась Лопушкина. – И чаю, и баранок отведала.

– Да, спасибо, – прошептала худенькая девочка лет двенадцати. Она жалась к матери, даме во вдовьем одеянии, и сама носила черное.

– А вы, Ульяна Денисовна? – не унималась Лиза. – Покормили вас?

– Благодарствуйте, – со слабой улыбкой повторила мать за дочерью. – Мы сыты.

– Скоро ужин подадут, – провозгласила Лиза. – Вот только брат все не едет. Отлучился по делам в Родовейск – и все нет его. А я так хотела его с Марьей Петровной познакомить!

– Переночует в гостинице, утром появится, – фыркнул Лопушкин. – Чай не дурачье по ночи шастать. Леса у нас сами знаете, какие.

Маша почувствовала, что краснеет от неловкости. Лиза тут же уловила сгустившееся в гостиной напряжение и с преувеличенной оживленностью заметила:

– А наша Марья Петровна нечисти не боится! Правда, Машенька? Она у нас учитель поперечных языков. Вот!

Мария с достоинством подтвердила кивком: учитель, профессия редкая, но почетная.

– Поперечье, – с отвращением произнес Родион Дементьич. – Спасу на него нет. Как приняли закон о запрете на отстрел пакости этой, так от калитки и двух шагов отойти не можно. Слыхали, что наемни со мной приключилось? Смотрите, шишка вот! Зла не хватает!

Помещик надулся, покрывшись красными пятнами, его супруга сочувственно взяла мужа за руку, но тот раздраженно вырвал у нее пухлую длань:

– А вдольские князья и ухом не ведут. За что мы их содержим-то, господа? Кормим, поим... Будь я в Парламенте, давно бы льготы всякие для них отменил. И разжаловал.

– Вдольские князья поддерживают Равновесие, потому что они потомки тех, кто заключал с Поперечьем договор в старые времена. И совершал подвиги, сражаясь со Злом, и... и женился на дочерях царей поперечного мира и ведунов, – тихим голосом осмелилась возразить Ульяна Денисовна. Видно было, что возражение далось ей нелегко: на щеках женщины вспыхнул болезненный румянец. – Василиса Премудрая, Варвара Краса, Царица водная, Марья Искусница, Хозяйка Гор... вы же помните!

– Сказки это все, – буркнул Лопушкин. – Кто подтвердит?

– Талант вдольских князей подтвердит! – так же тихо проговорила Ульяна Денисовна.

– А кто докажет, что общаются они с нечистью не благодаря... хм... иным талантам, нехристианским, далеко не христианским? Дьявольским даже, скажу я вам.

– Церковь признает, что Равновесие необходимо. И вдольских князей не мы кормим, а Государь. – вдова продолжала упорствовать, слегка задыхаясь от волнения.

– С наших налогов! Вы, голубушка, не спорьте, коли ничего не понимаете, – отчеканил Родион Дементьич. – А Церковь нынче не та, что раньше, мимо глаз пропускает то, что давно пресечь положено. Как там сейчас говорят... светское общество, тьфу!

– Все равно, – Томила покачала головой. – Русская правда всегда на равновесии была основана, в том наша сила, что принимаем всех, кто готов в мире жить.

– В мире? Это нечисть-то?!

– Вы к ней по-доброму – и она добром оплатит, – голос у вдовы был негромок, но тверд.

– Да что ж вы, голубушка, чушь несете?! – Лопушкин побагровел и начал приподниматься. – Когда это кто от нечисти добро видел?! А от князей-дармоедов?!

– А это не за вам, – к нему с очаровательным акцентом обратилась фроляйн Амалия, – князь Иван заступится перед... Ни́хе... водная нимфа? Сказал им: ну-ну, Bleib sauber, держи себя в руках, дева.

– Заступничек, – проворчал Лопушкин, отведя взгляд, но садясь на место. – Явился не перекрестился. Мы и без него как-то дела решали. Истребляли нечисть, ату ее! Тогда и заживем спокойно, когда погани бой дадим!

– Господа! – расстроено воскликнула Лизонька, театрально прижав к груди руки. – Мы сейчас перессоримся! Забудем этот глупый спор! Идемте ужинать!

Абрамцева подхватила Машу под руку и повела ее в столовую:

– Сегодня какой-то... странный вечер, – с плохо скрываемой досадой вполголоса пожаловалась она. – Родион Дементьич – он всегда такой. А вот чего Ульяна Денисовна разошлась, не пойму. Обычно она тише воды ниже травы, не спорит, не пререкается. И мы к ней со всем сочувствием, понимая трудную ее жизненную ситуацию...

Маша оглянулась на вдову. Ульяна Денисовна шла в столовую рука об руку с дочерью и казалась расстроенной. Она наверняка уже жалела о том, что встряла в спор.

– Брата все нет, – продолжила Лизонька со вздохом. – И Николая опять пьян. Вы на Татарины внимания не обращайтесь, если чего ляпнет... он грубиян, просто тетушке дальний родич. Нынче полк его на границе со степью расквартирован, вот и приходится... терпеть.

Мария кивала, смущенная таким количеством нюансов. Ей все меньше хотелось вливаться в местное общество и перспектива вернуться в «Осинки» пешком уже не казалась такой мрачной.

Впрочем, ужин прошел мирно. Лопушкин вступил в нудную беседу о политике с наполовину проснувшимся Татарьиным. Вернее, говорил Родион Дементьич, а Николая все больше подливал себе английского бренди. Вспоминали славные времена, когда крестьяне имелись у помещиков в собственности, и жить было куда как легче.

Жена Лопушкина прилипла к Ульяне Денисовне, словно хотела компенсировать грубость мужа, и все журчала у той над ухом, предлагая разнообразные закуски. Томилину такое внимание заметно утомляло, и она явно чувствовала себя не в своей тарелке.

За столом ненадолго появилась тетя Лизы и Сергея, Софья Сергеевна. Хозяйка дома откушала, благодушно обсудила с гостями загостившее лето и ревматизм в коленках, и удалилась к себе с мигренью. При ней Лизонька как-то засуетилась и на вопрос о Сергее принялась пространно говорить о важных делах брата в городе.

После ужина компания вышла на веранду. Слуги в чашах зажгли веточки полыни от комарья, которое тучами летело с болот. В саду пел соловей. Сад у Абрамцевых был хорошо, и яблоки не гнили.

Маша вручила Лизе свой подарок – красивую упаковку Иван-травы, копорского чаю с липою, смородиновым листом и розовым цветом, привезенного из поездки в Петербург. Все нашли чай изумительно приятным. Правда, Лопушкин пустился в рассуждения о преимуществах английской заварки перед народными рецептами, но его почти никто не слушал и он замолчал сам.

Остаток вечера Машу вполне устроил. Она имела возможность понаблюдать за Ульяной Денисовной, слова которой в защиту Поперечья ей очень проимпонировали, и посмеяться над добродушными шутками фроляйн фон Линген.

И даже с Сашенькой у Марии сложился короткий, но приятный разговор о бисерных браслетиках. Девочка обещала сплести один для Маши и добавить в него «ну вы знаете, такой узорчик, особый». Во время беседы, довольная вниманием, девочка оживилась и оказалась милой, общительной особой. Но когда Саша, расслабившись, пригласила Машу в гости, Ульяна Денисовна посмотрела на дочь с легким упреком. Сашенька смутилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.